

МИХАИЛ ГУТКИН
ПОРУЧЕНЕЦ
ЖУКОВА

Попадать, так с музыкой

Михаил Гуткин

Порученец Жукова

«Центрполиграф»

2011

Гуткин М.

Порученец Жукова / М. Гуткин — «Центрполиграф»,
2011 — (Попадать, так с музыкой)

Анна Северова, совершившая путешествие во времени из современного мира в 1941 год, в советском прошлом не растерялась: вышла замуж, дослужилась до лейтенанта НКВД и работала непосредственно с товарищем Берией. Да что там, даже сам товарищ Сталин был заинтересован в общении с гостьей из будущего. Ведь Аня обладала ценнейшей информацией о Великой Отечественной войне и о судьбе коммунистической партии. А война должна уже вот-вот начаться! И кому, как не Ане, давать руководству ценные советы. К словам Ани прислушался и генерал армии Георгий Константинович Жуков. Близится 22 июня, а Советский Союз к войне еще совершенно не готов...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	19
Глава 6	23
Глава 7	26
Глава 8	29
Глава 9	33
Глава 10	36
Глава 11	39
Глава 12	43
Глава 13	46
Глава 14	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Михаил Гуткин

Порученец Жукова

Памяти Льва Соломоновича Гуткина, ушедшего на войну по партийному призыву в июле 1941 года и проработавшего после войны многие годы профессором МЭИ, посвящает автор эту книгу

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Успешно сдав весеннюю сессию после второго курса МЭИ, будущий системный администратор и программист Аня Истомина отправилась на лето к бабушке, в Республику Беларусь. В результате необъяснимого природного явления в момент аварии автобуса, следовавшего из Барановичей в Гродно, Аня перенеслась во времени в конец марта 1941 года. Аня знала, что через три месяца должна начаться Великая Отечественная война, а она без документов и без знания современных реалий оказалась в республике, по которой придется самый сильный первый удар немецких войск. А тут еще органы могут арестовать как подозрительное лицо без документов. Тем не менее действительность оказалась не такой страшной. Вроде бы ее никто ни в чем не подозревает, а диагноз «сотрясение мозга», с которым она попала в местную больницу, позволяет симулировать потерю памяти. Аня не догадывается о том, что сотрудники НКГБ почти с самого начала знали, что она из будущего.

Постепенно Аня выросла в местную жизнь. Хорошая спортивная форма позволила ей устроиться инструктором физподготовки в роту НКВД, а после того, как она сумела задержать трех бандитов, ей стали полностью доверять. Аня вышла замуж за лейтенанта НКВД Василия Северова. Через некоторое время ее тоже взяли в кадры НКВД в звании младшего лейтенанта (с учетом незаконченного высшего образования), причем приказ о зачислении подписывает сам Лаврентий Берия. Во время одной из операций в Гродно Ане удалось найти очень важные бумаги. Ее срочно вызвали в Москву, но, когда поезд Барановичи – Москва остановился в Минске, в купе вошли два сотрудника НКВД и объявили Ане, что она арестована.

Глава 1

Выходит, вот о чем думал майор? Или он просто подозревал нечто подобное? Неспроста предупреждал меня о значимости моей поездки и о том, кто именно ждет меня в Москве. Выходит, это какая-то местная самодеятельность. Кажется, я начала понимать. Ну погодите! Руки у меня были надежно заблокированы, но ноги в добротных сапогах пока оставались свободны. Поэтому я с небольшим поворотом корпуса изо всех сил стукнула старлея каблуком по верхней части стопы. Конечно, у него тоже сапоги, и это, возможно, сохранит ему кости стопы, но болевой шок обеспечен. Так и произошло. Он хотя и не выпустил мои руки, но хват заметно ослабил. Я, не теряя времени даром, резко передвинула старлея в направлении его напарника, одновременно ударив того ногой под коленку. Ногу если и не сломала, то повредила – это точно. Потом добавила головой в нос старлею и окончательно освободила обе руки. После этого выхватила «вальтер», наличия которого эти гэбэшники, конечно, не ожидали, и зашипела не хуже кобры:

– На пол, обормоты. Немедленно на пол. Или тут же пристрелю обоих!

Они, еще в шоке, повалились на пол. Перекинув «вальтер» в правую руку, я каждого из них стукнула рукояткой по голове. Пусть подремлют, пока я проясню ситуацию. Заодно и поезд тронется. Надо отметить, что все это протекало намного быстрее, чем пересказ моих действий, поскольку работала я на уровне рефлексов, когда думать просто некогда.

Осторожно выглянула из купе. Снаружи все спокойно. Обычная посадочная суета. Это хорошо. Значит, пришли вдвоем. Я закрыла и заперла дверь купе, после чего приступила к обыску тушек. Вытащила у них командирские удостоверения – оба показались мне настоящими. Оружие при них было только штатное – правда, не наганы, а ТТ. Понятное дело – ехали арестовывать глупую молодую девчонку. Чего тут вооружаться. Еще у каждого вытащила из карманов наручники. Вот это очень кстати. Тут же сцепила им руки за спиной, причем руки одного продела через руки другого. Расцеплять будет сложновато, но это уже не мои проблемы. Еще раз тщательно их обыскала и нашла ключи от наручников. Ключи решила спрятать подальше, чтобы мои пленники случайно не расцепились. Немного подумала и решила для страховки заткнуть им рты. Пришлось разорвать простыню и сделать два кляпа.

К тому времени, когда они пришли в себя, поезд уже набрал ход, а я удобно расположилась на полке и гипнотизировала их хищным взглядом. Старлей таращился на меня, а второй, как ни пытался, мог наблюдать за мной только краешком глаза. И хорошо. Мне пока и одного старлея достаточно.

– Так что, поговорим?

Оба негодуяще замычали.

– Не поняла, попробуйте почетче.

Снова негодующее мычание.

– Что это вы только мычите? – проворковала я. – Хотите изобразить коров? Так не получится.

Кажется, они поняли, что я издеваюсь над ними. Оба перестали мычать, но если бы их взгляды могли испепелять, то я давно горела бы уже ясным пламенем.

– Ну, готовы к беседе?

Снова мычание.

– Нет, так дело не пойдет. С коровами я разговаривать не умею. А по-русски можете?

Наконец старлей кивнул.

– Значит, так. Я буду задавать вопросы. Вы будете на них отвечать. Не хочу грозить, а просто предупреждаю, что от правильности ответов будет зависеть ваша жизнь. И еще. Так как

я никакая не шпионка, ваши военные тайны и секретные документы мне совершенно неинтересны. Вопросы будут совсем о другом. Понятно?

Старлей кивнул.

– Сейчас я выну у тебя кляп и поговорим. А твой коллега пока помолчит. Учти, если начнешь кричать, хуже будет.

С этими словами я выдернула кляп изо рта у старлей. Он сделал несколько рефлексивных вздохов и уставился на меня:

– Ну ты, девка, попала. Ты не знаешь, с кем связалась.

– Вот она, людская благодарность! Я ему кляп вынула, а он сразу с угрозами. Будешь продолжать в том же духе – опять рот заткну.

Кажется, подействовало. Замолчал.

– Первый вопрос. Вы действительно работаете в НКГБ? Учтите, что в Москве я это проверю в первую очередь.

– Да, работаем. Проверь хоть до посинения.

– Понятно, я так и думала. Значит, вы мои коллеги. Второй вопрос. Повторите точную формулировку приказа относительно меня. Обращаю внимание – точную.

– Тот, кто отдал приказ, сказал так: «Доставить ко мне Северову Анну Петровну». И дал ваши приметы, номер вагона и купе.

– Ты подтверждаешь, – обратилась я ко второму.

Тот кивнул.

– Значит, вам приказали меня доставить. Тогда почему вы решили меня арестовать?

Тут старлей задумался, потом как-то неуверенно сказал:

– Так обычно, когда приказывают доставить, это означает арестовать?

– А что, вам никогда не говорят: арестовать такого-то и такого-то?

– Говорят.

– Так почему же вы решили меня именно арестовать?

Старлей снова задумался, потом честно сознался:

– Не знаю.

– Хорошо. Вижу, что у нас наметилось некоторое взаимопонимание.

С этими словами я выдернула кляп у второго. Тот тоже задышал свободнее.

– Обратите внимание, я не спрашиваю, кто вам отдал приказ. Я и сама догадываюсь, но разбираться с ним будут другие. А вам очередной вопрос. Что про меня рассказал вам тот, кто отдал этот приказ?

– Ничего не рассказал. Только приказал доставить.

Теперь настала моя очередь задуматься. Тот, кто отдал подобный приказ, не удосужился даже сообщить им, кто я такая. Очень странно. Тем более что про мою командировку точно знал. Вряд ли он просто собирался меня задержать. Но тогда получается, что я должна была потом исчезнуть. Правда, как вариант, со мной всего лишь хотели познакомиться. Маловероятно, но попробуем исходить из этого. А что делать с сидящими передо мной обормотами? Пора это обсудить.

– Так, мужики. Слушайте меня внимательно. Я на вас особого зла не держу, потому что вы выполняли приказ, хотя не исключено, что поняли его не вполне правильно. Будем думать, как вас спасти.

При этих словах оба заерзали.

– Вам не сообщили, кто я такая. Не сказали, что я еду в Москву в командировку по вызову, подписанному самим товарищем Берией. И вдобавок вы переусердствовали. Что получается? Тот, кто отдал приказ, вас крепко подставил. Если я сейчас вас отпущу, а в Москве нажалуюсь (я обязана это сделать), то понятно, на кого все свалят. Вас объявят английскими или немецкими шпионами и застрелят при задержании. Поэтому нужно, чтобы вы доехали со

мной до Москвы. Скандала не избежать, но максимум, что вам будет грозить, – это увольнение из органов. Хотя, может быть, обойдетесь только понижением в званиях. Уяснили ситуацию?

Старлей попыхтел, помотал головой, потом наконец созрел.

– Уяснили.

– Еще вам для информации. Если бы со мной что-нибудь действительно случилось, то полетели бы головы. Много голов. Понятно?

Оба кивнули.

– Вот и хорошо. А теперь я хочу поспать и прошу мне не мешать. Расцеплять вас не буду, чтобы ничего дурного в голову не пришло.

Им ничего не осталось, как печально согласиться. И как раз в этот момент в дверь купе постучали.

– Кто там? – недовольным голосом, как бы спросонья, проговорила я.

– У вас все в порядке? Мне слышался какой-то шум из вашего купе, – слышался голос проводницы.

– Не беспокойтесь. Все в полном порядке.

Стало тихо. Интересно. Чего это проводница вдруг забеспокоилась? Тут я сообразила, что один мой знакомый, большой жук, на самом деле все-таки послал со мной сопровождающего. Но тот, видя, что я из купе не выхожу, решил не вмешиваться, а только проверил. Ну, майор, погоди! Хотя он, конечно, молодец!

Глава 2

Когда поезд уже подходил к Белорусскому вокзалу, я вышла из купе и первым делом подошла к проводнице. Представилась ей по всей форме и приказала пока в купе не заходить. Заодно сказала, что случайно порвала простыню, и дала ей пятьдесят рублей. По довольному виду проводницы поняла, что переплатила, но ничего. Спокойнее будет.

На перроне сразу увидела знакомую фигуру. Трофимов! Ох, как он мне нужен! Я первой выскочила на перрон и сразу подбежала к капитану. Оп! А ведь он не капитан, а майор. Интересно, он и тогда был майором или только сейчас присвоили?

– Товарищ майор, разрешите доложить. У меня срочное дело.

– Здравствуйте, Анна Петровна. Что у вас случилось?

– Меня в Минске пытались снять с поезда и арестовать.

– Что? Кто посмел?!

– Это уж вы сами выясняйте. А парочка, которая пыталась это сделать, сидит у меня в купе и ждет вас. – Я открыла свой баул. – Вот их документы, личное оружие и ключи от наручников.

– Подождите здесь, Анна Петровна.

С этими словами Трофимов заскочил в вагон и там застрял на несколько минут. Потом из вагона вышли, сильно прихрамывая на разные ноги, оба лейтенанта, и вид у них был, как бы это точнее сказать... потрепанный. Наручники Трофимов с них снял. У старлея под глазом светил хороший фингал, у лейтенанта на щеке алела широкая царапина (*как это я умудрилась?*). За ними вышел майор. Мы все пошли по перрону и дошли до комнаты дежурного. Там Трофимов сделал пару звонков, после чего лейтенантов забрал патруль, и мы наконец смогли от них отделаться.

– Да, майор Григорьев точно что-то чувствовал. Недаром он просил встретить вас. Вот что. Я думал поместить вас в нашей ведомственной гостинице, но теперь полагаю, что это не очень хорошая мысль. Пару дней поживете на знакомой вам квартире. А там видно будет. Я сегодня же все доложу товарищу Берии. А вы отдыхайте. В четырнадцать часов у товарища Берии будет совещание, на котором вам обязательно нужно присутствовать.

Приехали в квартиру в Варсонофьевском переулке. Поздоровалась с Дарьей Федотовной, которая тут же ушла, распрощалась с Трофимовым и плюхнулась на диван. Думала, посплю, однако получилась «индейская национальная изба, или фигвам», как говорил Шарик. Как когда-то пару месяцев назад, мыслям стало очень тесно. С разных сторон прокручивала мое путешествие из Барановичей в Москву. То, что меня решил прихватить товарищ Цанава, – это как дважды два. Теперь понятно, почему Вася был озабочен и почему хмурился майор Григорьев. Напрямую они, конечно, не могли мне это сказать, но, наверное, у этого Цанавы репутация бабника, а должность наркома в Белоруссии позволяет ему вести себя как удельный князь. Мужики, наверное, надеялись, что обойдется, однако не обошлось.

Остались невыясненными два вопроса: почему, зная о моей командировке в Москву, он приказал меня снять с поезда и почему, не заполучив меня, как ожидалось, не попытался перехватить меня, пока я была в поезде? Я вертела варианты и так и этак, пока не пришла к следующим выводам. Во-первых, Цанава мог не знать, что меня вызывает лично товарищ Берия. Поездка младшего лейтенанта в Москву в командировку и моя поездка по личному вызову Лаврентия Павловича – это, как говорят в Одессе, две большие разницы. Капитан докладывал, кажется, только, что я еду в Москву. А о том, кто конкретно меня вызвал, он просто не знал.

Во-вторых, Цанава, отдав распоряжение, мог не сразу спохватиться, а заниматься какими-либо другими делами. Отрядил своих лейтенантов и занялся текучкой. А когда спохватился, поезд уже ушел. Ну, не совсем ушел, однако из границ Белоруссии вышел. Перехва-

тить меня на промежуточной станции? Но международный поезд делает в пути не так уж много остановок. И какой приказ отдавать, тоже непонятно. Искать лейтенантов или искать меня? Провести шмон по всему поезду – это точно наделает шуму, и неприбытие командированного в Москву с этим шмоном наверняка свяжут. Я бы на месте Цанавы просто послала пару человек – стоп, стоп. Как это «послала»? Поезд догнать можно только на самолете – вертолетов пока нет. Значит, посылать вдогонку не имеет смысла. Остается только вариант – позвонить по спецсвязи вперед и попросить проверить такой-то вагон. Ну проверят – и что? Арестовать сотрудника НКГБ с официальным удостоверением и с командировочным предписанием – для этого нужны очень веские основания и, опять-таки, поднимется шум. А может быть, проверка и была, только мой сопровождающий от майора Григорьева ее перехватил, тихо все объяснил и проверяющие так же тихо ушли.

Так, вроде бы сошлось. Осталось понять, что теперь предпримет товарищ Цанава. Мои анкетные данные ему ничего не скажут. Кстати, очень интересно, что там понаписали? Я ведь свою кадровую анкету не видела. Приняли на работу – и хорошо. Мой уровень товарищ Цанава не знает, если только не догадался связаться с майором. Но и майор может доложить ему не так уж много. Правда, то, что в НКГБ на работу меня принял сам товарищ Берия, сказать может. А товарищ Цанава наверняка не дурак. Иначе бы не добрался до такого поста. Значит, теперь он должен что-то предпринять. При этом исходить из того, что я уже все доложила и начальство в курсе.

С точки зрения товарища Цанавы я не такая уж значительная величина, чтобы из-за меня получить серьезный нагоняй. Поэтому особо беспокоиться он не будет. Кстати, приказ, если верить этим придуркам, он отдал аккуратный: именно доставить, а не арестовать. Поэтому будет упираться на то, что подчиненные его не так поняли. Сильно их топтать ему тоже не с руки: что ты за начальник, если у тебя подчиненные – дураки. Тогда можно предположить следующее: получил очень интересный материал и хотел сразу поговорить с тем, кто его добыл. А потом отправить товарища Северову в Москву следующим поездом. Виноват, что приказ отдал неточный, готов извиниться перед товарищем Северовой.

Теперь вопрос мне: приму ли я извинения? Приму! Мне еще работать в Белоруссии. И Васе тоже работать. Такой тип при желании может сделать много гадостей, а у нас на носу война. Значит, ссориться с ним не с руки. Но за прощение надо будет что-то с него слупить. Итак, план действий: все выслушиваю, хлопая глазами. Со всеми утверждениями соглашаюсь, сама огорчаюсь глупости посыльных, жалею, что с ними переборщила, принимаю извинения и прошу. А что прошу? Пока не знаю. К разговору что-нибудь придумаю. Э, а когда состоится такой разговор? Если все расположила правильно, то сегодня или завтра. Иначе товарищ Цанава сильно рискует.

Пока я все это обдумывала, прошло не менее часа. И вдруг зазвонил телефон.

– Товарищ Северова, Трофимов беспокоит. Наши планы немного изменились. Совещание начнется не в четырнадцать часов, а в тринадцать. И проходить оно будет не в нашем наркомате, а в МЭИ. Надеюсь, вы понимаете тематику? При этом возможно, что наш нарком туда не приедет. Вам все равно там следует быть, но в штатской одежде. Вы приехали в форме, поэтому сейчас идите в Малый Кисельный переулок. Знаете, где такой?

– Так точно, знаю. Совсем рядом.

– Правильно. В доме 4 находится ателье нашего наркомата. Там вам подберут гражданскую одежду. Свою форму и штатное оружие оставите там. Вечером, после всех встреч, зайдете туда и снова переоденетесь. Если захотите оставить одежду себе, то оплатите. Деньги у вас есть?

– Деньги есть.

– До МЭИ сможете доехать сами?

– Смогу.

– А каким транспортом знаете?

– Зна... ой нет, не знаю. Помню, что трамваем, а где он здесь ходит – не знаю.

– Тогда слушайте внимательно. Из ателье снова выйдите на улицу Дзержинского, перейдите на другую сторону и садитесь на любой троллейбус. Поезжайте до остановки «Ботанический сад» – это вторая остановка после Колхозной площади. Там ходит трамвай номер семь. Он пересекает Первую Мещанскую, на которой находится остановка троллейбуса. Вам нужно ехать направо от Первой Мещанской. Доедете прямо до МЭИ. Время на троллейбусе – примерно десять минут. Время на трамвае – примерно тридцать минут. И на ожидание минут десять. Полагаю, что за час сумеете добраться. Из МЭИ позвоните мне, мой телефон помните?

– Конечно помню.

– После совещания пообедайте и к нам в наркомат. Вас будут ждать в шестнадцать часов.

Вопросы?

– Вопросов нет.

– Да. Майору Григорьеву я позвонил. Сказал, что с вами все в порядке.

– Спасибо, товарищ майор. А то я совсем забыла.

– Валентин Петрович меня предупредил о вашей забывчивости. Ну ладно. Удачи.

Телефон отключился, а я перехватила пару булочек с чаем, взяла сумочку с пистолетом и отправилась в ателье.

Малый Кисельный переулок. Помню. Это выйти на улицу Дзержинского и повернуть налево. Там первый переулок налево будет Большой Кисельный. Пойти по нему вниз, и через два или три дома направо будет Малый Кисельный. Вот и дом 4. Дверь заперта, но есть звонок. Позвонила. Мне приоткрыли и спросили:

– Вы к кому?

Я показала удостоверение и сказала, что иду в ателье. Меня впустили и пригласили пройти на третий этаж. На третьем этаже меня встретили две важные дамы и провели в пустую комнату с зеркалами. Там одна предложила мне раздеться и сдать штатное оружие. Вторая оценивающе посмотрела на меня и куда-то нырнула. Минут через десять вышла с платьем, чулками и туфлями. Туфли оказались впору, а вот платье было коротковато. Дама подумала, забрала платье и снова исчезла. Еще через десять минут она возвратилась с другим платьем. Это оказалось впору и смотрелось на мне очень даже неплохо, учитывая современную моду. Конечно, в XXI веке в таком платье я рискнула бы пойти разве что на маскарад.

– Подождите, – сказала вторая дама. – Вам к этому платью нужна другая сумочка.

Она выскочила за дверь и тут же вернулась с сумочкой. То, что я переложил из своей сумочки в новую пистолет, их несколько не смутило. Я сотрудник НКГБ и сама знаю, что делаю. Когда я была полностью экипирована, мне протянули две бумаги: одну с перечнем выданных вещей, а вторую с перечнем того, что я оставляю здесь.

– Если вы решите оставить эту одежду и сумочку себе, то, вернувшись к нам, заплатите в кассу сто двадцать три рубля семьдесят две копейки, – сказала первая дама. – Ателье работает круглосуточно, но наша смена заканчивается в 22:00. Потом вам придется дольше ждать, пока все оформят и найдут ваши вещи.

Я поблагодарила и выскочила на улицу. Пора ехать в МЭИ. Дождалась троллейбуса и поехала. Улица Дзержинского, Сретенка. После Колхозной площади с удивлением поняла, что Первая Мещанская, по которой сейчас едет троллейбус, – это в моем прошлом проспект Мира. Вышла там, где лет через двадцать будет станция метро «Проспект Мира», и пересела на трамвай. Все, спокойно еду до МЭИ. Чтобышний раз не вытаскивать удостоверение, прилежно покупала у кондукторов билеты. Оказалось, что цена билета зависит от протяженности маршрута. Пришлось сознаться кондукторам, что я приехала из маленького белорусского городка, где о таких вещах и не слыхивали.

Глава 3

ВМЭИ я вошла по удостоверению и сразу отыскала комнату первого отдела. Там меня ждал Ковалев. – Здравствуйте, Елена Сергеевна. Товарищ Трофимов уже два раза звонил, интересовался вами. Звоните ему с этого телефона. Я подожду за дверью.

Я набрала номер Трофимова, и он тут же снял трубку.

– Анна Петровна. Слушайте внимательно. Товарищ Берия приехать не сможет. Его замы тоже. Наш наркомат представлять будете вы. Совещание будет вести академик Йоффе. Он должен в первую очередь предоставить вам слово. Представьтесь своей настоящей фамилией. Вы скажете о том, что это направление курирует наш наркомат, и напомните о режиме секретности. Ковалева я уже проинструктировал. Потом тихо сидите и внимательно слушаете. Вечером напишете отчет. Вопросы?

– Вопросов пока нет.

– Вот и хорошо. Желаю успеха.

Опять вляпалась! Совещание ведет академик с мировым именем. Присутствовать будут крупные специалисты, а сопливая девчонка станет их всех учить секретности. Но деваться некуда. Придется выполнять.

– Товарищ Ковалев, я получила все инструкции. Куда идти?

– Сейчас я вас провожу. Сегодня совещание пройдет в спецлаборатории. Там есть и доска, и нужные приборы. Вы приехали немного раньше других, так что придется подождать. Впрочем, можете пока осмотреть наш институт.

Тут я чуть было не ляпнула, что за два года учебы неплохо его изучила, но вовремя спохватилась:

– Спасибо, товарищ Ковалев, но лучше в другой раз, а сейчас, если можно, давайте сразу пройдем к лаборатории. Я подожду там.

– Как скажете.

С этими словами Ковалев вышел из комнаты и зашагал по коридору. Я потопала за ним. Поднялись на два этажа и остановились перед железной дверью с двумя врезными замками и с классической табличкой «Посторонним вход воспрещен». Снаружи стоял мрачный тип с какой-то бумагой в руке. Я предъявила удостоверение, этот тип сверил мою фамилию со списком, после чего открыл дверь и разрешил пройти внутрь. Ковалев остался снаружи. Наверное, побежал встречать других гостей. Я огляделась. Помещение просторное. Видно, что для совещания тут провели некоторые перестановки. Столы расставили в центре буквой «П». В одном углу небольшая переворачивающаяся доска, рядом с которой на столике лежат несколько кусочков мела и тряпка. В другом углу пара столов, на которых расставлены приборы. С приборами возились двое ребят в белых халатах, которыми командовал Зимов.

На столах стояли несколько бутылок с минералкой, стаканы и лежали конверты с фамилиями. Нашла конверт со своей фамилией и открыла его. В нем была тонкая тетрадка, прошитая нитками. На нитках печать. Понятно. Сюда делать записи, а потом все прятать в конверт. Эта система мне уже немного знакома. Пока я изучала содержимое конверта, Зимов заметил меня и подошел поздороваться.

– Здравствуйте, Елена Сергеевна.

– Тсс, – шикнула я на него, – я Анна Петровна. Про Елену Сергеевну можете забыть.

Он немного оторопел. Потом сообразил и кивнул.

– Лучше скажите, как у вас успехи. Вижу, что результаты есть.

– Есть, да еще какие! – с энтузиазмом откликнулся Зимов. – Иначе не собрали бы здесь такое представительное совещание. О, посмотрите, Абрам Федорович Йоффе пришел.

В дверь как раз зашел высокий пожилой представительный мужчина с седеющими усами. Мне почему-то вспомнился «дядя с большими ушами»¹, и я чуть не захихикала. Академик тем временем вежливо и немного снисходительно стал со всеми здороваться. На меня он внимания не обратил. Пришлось инициативу брать на себя.

– Уважаемый Абрам Федорович. Я младший лейтенант НКГБ Северова Анна Петровна. Руководство поручило мне представлять на этом совещании наш наркомат. Поэтому прошу вас, как ведущего совещание, с самого начала предоставить мне слово.

На лице академика мелькнуло кислое выражение, но он тут же взял себя в руки и галантно сказал:

– Разумеется, Анна Петровна. Всегда приятно, когда совещание начинается с выступления такой красивой девушки.

– Спасибо, Абрам Федорович, – для приличия я немного покраснела, – постараюсь вас не разочаровать.

– Что вы, что вы. Разве представитель вашего уважаемого наркомата может кого-либо разочаровать.

– Конечно нет. Тут я полностью с вами согласна.

На этом я сочла обмен любезностями законченным и постаралась увильнуть. Кажется, академик тоже вздохнул с облегчением. В это время дверь снова открылась, и вошли еще два человека в сопровождении Ковалева. К моему удивлению, академик, вместо того чтобы занять председательское место, направился к пришедшим и тепло поздоровался с одним из них. Зимов, снова оказавшийся около меня, прокомментировал:

– Товарищ Йоффе сейчас поздоровался с Евгением Николаевичем Геништой – нашим ведущим специалистом в области радиотехники. Товарищ Геништа, не имея диплома о высшем образовании, руководит лабораторией опытных разработок крупнейшего в стране радиотехнического завода. Кроме того, в нашем институте он читает курс лекций по производству радиоаппаратуры. Ну вот, все в сборе. Товарищ Ковалев, дайте сигнал.

– Товарищи, – громко объявил Ковалев, – все в сборе, и можно начинать. Председательствовать на этом совещании будет наш уважаемый гость из Ленинграда, академик АН СССР, товарищ Йоффе Абрам Федорович. Товарищ Йоффе, прошу. А я удаляюсь.

С этими словами Ковалев быстро вышел из лаборатории и тщательно прикрыл за собой дверь.

Все, кроме Зимова и его помощников, уселись за столы. Йоффе встал и обратился к присутствующим:

– Уважаемые товарищи. Сегодня мы собрались, чтобы обсудить открытие, сделанное в стенах Московского энергетического института. Но прежде всего хочу дать слово представителю того наркомата, по инициативе которого и проводится данное совещание. Товарищ Северова, прошу.

Я глубоко вздохнула – ни разу не выступала перед такими серьезными людьми – и начала:

– Уважаемые товарищи. Я являюсь младшим лейтенантом Наркомата государственной безопасности. Наш наркомат внимательно следит за всеми открытиями и изобретениями, сделанными в нашей стране. Правительству во главе с товарищем Сталиным крайне важно, чтобы ни об одной новинке, созданной в нашей стране, не стало известно империалистам. Тем более о таких открытиях, которые могут иметь военное применение. Поэтому прошу вас соблюдать режим чрезвычайной секретности по поводу этого совещания. У каждого есть конверт, помеченный его фамилией. Там находится тетрадь. По ходу совещания в этой, и только в этой тетради вы можете делать записи. После окончания совещания каждый должен положить свою тетрадь в конверт и конверт заклеить. Все конверты следует сдать под расписку начальнику

¹ «Там какой-то дядя с большими ушами вашей маме букет цветов подарил!» (мультфильм «Зима в Простоквашино»).

первого отдела МЭИ товарищу Ковалеву. Он разошлет эти конверты по первым отделам ваших организаций. Есть ли ко мне какие-нибудь вопросы? Вижу, что вопросов нет. У меня все. Йоффе снова встал и объявил:

– Мы выслушали правила соблюдения секретности. Теперь пора бы узнать, а что, собственно, было изобретено. Товарищ Зимов, прошу вас.

Зимов встал и в первую очередь посмотрел в мою сторону. Я, на всякий случай, исподтишка показала ему кулак. Он слегка кивнул (*интересно, как этот кивок восприняли остальные*) и заговорил. Слушая его выступление, я обзавидовалась. Вот что значит «преподаватель от Бога». Все мысли четкие, все идеи аккуратно разложены по полочкам. Все, с одной стороны, максимально просто, но, с другой стороны, подано так, что никто не скажет, что это детский лепет. Он рассказал, как эта идея пришла ему в голову во время принятия зачета у одной студентки третьего курса (*гад, почти угадал*), как поставили эксперимент. Как после первой удачи несколько последующих экспериментов оказались пустыми. И что только в последний месяц, после налаживания производства достаточно чистых полупроводников, результаты стали стабильными. Затем он перешел к проблемам:

– Главная наша проблема – это катастрофическая нехватка людей и оборудования. Кроме меня и присутствующих здесь моих помощников по этой теме работают еще только два человека. Теории у нас пока нет. Все делаем «на коленке». В то же время чувствуем, что за такими полупроводниковыми приборами большое будущее. Поэтому мы обратились наверх, чтобы данное направление получило должное развитие. В первую очередь нас поддержал Наркомат госбезопасности, который и организовал данное совещание. Теперь все будет зависеть от выводов уважаемой комиссии.

В качестве демонстрации хочу показать низкочастотный усилитель, собранный на полупроводниковых триодах. Для сравнения рядом стоит аналогичный по возможностям ламповый усилитель. Желающие могут подойти и посмотреть.

Глава 4

Зимов закончил выступление, и сразу встал Йоффе:

– Большое спасибо, товарищ Зимов. Выступление было очень интересным, и мы обязательно посмотрим ваш прибор в действии, но чуть позже. А сейчас вопросы к докладчику.

Несколько секунд было молчание, а потом вопросы посыпались один за другим. Температурные режимы, ударопрочность, возможность серийного производства, надежность и тому подобное. На большинство вопросов Зимов отвечал отрицательно в том смысле, что вот изобретение, оно работает, а все исследования только начинаются. Но на один вопрос он ответил почти сразу. Задал этот вопрос академик, и ответ он выслушал буквально открыв рот. Вопрос касался получения полупроводников нужной чистоты. Сочетание «придуманного Зимовым» способа зонной плавки и выращивания кристалла по методу Чохальского для него явилось откровением. Мне стало ясно, что на это направление Йоффе запал.

А вот еще один серьезный вопрос инициировал Геништа:

– Уточните, пожалуйста, Андрей Леонидович, частотные диапазоны.

– Пока наши полупроводниковые триоды устойчиво работают на частоте до одного мегагерца.

– А как быть с более высокими частотами?

– В данный момент не знаю. Может быть, что германиевые полупроводниковые триоды для более высоких частот не подойдут.

– А вы пробовали другие материалы?

– Еще нет. Нас хватило только на эти исследования. Как я уже говорил, на все не хватает сил, средств и времени.

Тут я кое-что вспомнила и решила вмешаться:

– Товарищ Зимов, может быть, триоды из кремния будут более быстродействующими? Кремний ведь тоже полупроводник.

Йоффе и Геништа посмотрели на меня так, как будто заговорила валаамова ослица².

– Вполне возможно, товарищ Северова, – вежливо ответил Зимов. – Только с получением чистого кремния у нас возникли большие проблемы, поэтому мы пока его не исследовали.

– А что за проблемы? – Это уже Йоффе.

– Дело в том, что кремний вблизи точки плавления становится химически активным, правильнее даже сказать агрессивным, и реагирует с материалом тигля. Поэтому метод зонной плавки, о котором я говорил, здесь не подходит.

– Может быть, не метод не подходит, а неверное его применение? – не отставала я.

Зимов несколько оторопел, так же, впрочем, как и остальные участники.

– Если нельзя выплавлять в тигле, то нужно выплавлять без тигля.

– Это каким образом? – оживился Зимов. В отличие от других он-то чувствовал, что я говорю не просто так.

– Попробуйте подвесить стержень из кремния на соответствующей нити и двигайте индукционные катушки не горизонтально, а сверху вниз.

– Так ведь расплав капать будет.

– Не обязательно, – вмешался академик. – Вы забыли о поверхностном натяжении. Сделайте стержень достаточно тонким, и капля будет просто висеть внизу. Товарищ Северова предлагает вполне разумный вариант.

² Согласно мифу, валаамова ослица вдруг заговорила человеческим языком.

При этом все на меня уставились, а я густо покраснела. И чего вмешалась? Нужно было сказать то же самое, но лично Зимову. Говорил же Трофимов, что сидеть нужно тихо. А теперь поздно пить боржоми.

Снова взял слово Геништа:

– Скажите, Андрей Леонидович, а не может быть так, что частотные характеристики зависят от способа создания триодов? Вы не варьировали способы соединения полупроводников разных типов?

– Нет, Евгений Николаевич. На это тоже пока нет сил.

– Давайте перейдем к приборам, – предложил Геништа. – Очень хочется руками пощупать.

Все встали из-за столов и подошли к столикам с приборами. Все, кроме Йоффе. Он почему-то предпочел подойти ко мне.

– Анна Петровна. Что вы окончили, кроме спецкурсов вашего наркомата?

– Уважаемый Абрам Федорович. Открою небольшую тайну – спецкурсов я как раз и не заканчивала. А справку о моем образовании вы можете получить, обратившись к нашему наркому.

– Уели, – добродушно засмеялся Йоффе, – но теперь я, по крайней мере, понимаю, почему на это совещание от наркомата прислали именно вас.

– Вы правильно понимаете, товарищ академик. А что скажете про это открытие?

– Подождите несколько минут. Сейчас все выскажутся, и я в том числе.

Все вернулись за стол, и Йоффе взял слово:

– Товарищи. В первую очередь я должен упрекнуть товарища Зимова, который несколько ввел нас в заблуждение. По сути, здесь нам представлены не одно, а два открытия: полупроводниковые триоды и метод получения чистых полупроводников. Лично я пока не берусь судить, какое из этих открытий важнее, но очевидно, что без получения чистого исходного материала дальнейшие работы в этом направлении имели бы весьма смутные перспективы. Поэтому хочу внести следующее предложение, точнее, несколько предложений. Первое. Признать то, что нам рассказал и продемонстрировал товарищ Зимов, двумя важными научными или, скорее, научно-техническими открытиями. Второе. С учетом того, что проблема производства полупроводниковых триодов нуждается в тщательной проработке, создать специальный отдел по полупроводникам, например на заводе, где работает товарищ Геништа. Третье. На Ленинградский завод электронных приборов передать описание метода зонной плавки для организации серийного производства таких устройств. Четвертое. Теоретическую проработку данного открытия мой институт готов взять на себя. Пятое. Общую координацию работ возложить на товарища Зимова. Просить руководство МЭИ расширить штат его лаборатории. Шестое. Поручить присутствующим здесь руководителям НИИ радиотехнической направленности самим подготовить предложения об участии в этих работах. С ходу они, может быть, не готовы сделать такие предложения. Седьмое. Сообщить в Наркомат ГБ об исключительной важности и перспективности этих работ. Пусть там тоже принимают соответствующее решение. Есть у кого-нибудь замечания, дополнения?

Все загудели, стали переговариваться, но через несколько минут пришли к общему мнению, что академик все изложил достаточно точно и полно и на данном этапе дополнять нечего. На этом совещание закончилось.

Я вскочила и громко напомнила:

– Товарищи, прошу не забыть про тетради и конверты. Сейчас товарищ Ковалев будет их собирать.

Академик Йоффе первым сдал свой конверт и опять подошел ко мне:

– Анна Петровна, будете в Ленинграде – милости просим. Вот мои телефоны. – Он протянул мне листок со своими координатами.

– Абрам Федорович, – чуть не плача, подбежал к нему Ковалев. – Нельзя здесь делать никакие записи.

– Ничего страшного, товарищ Ковалев, – взяла я академика под защиту. – Это не записи, а адрес и телефон товарища Йоффе. Можете посмотреть сами.

Ковалев посмотрел, вздохнул, покачал головой, но отошел.

– Спасибо за приглашение, Абрам Федорович. Буду в Ленинграде – обязательно свяжусь с вами.

Я распрощалась со всеми и снова подошла к Зимову:

– Поздравляю вас, Андрей Леонидович. Было очень интересно, и даже я все поняла.

– Издеваетесь?

– Ни в малейшей степени. Вы, и только вы. И рассказывали очень доступно. Вот через пару лет поступлю в МЭИ и не пропущу ни одной вашей лекции.

– А почему так не скоро?

– Есть свои причины. А пока не подскажите, где тут можно прилично пообедать? Я страшно проголодалась, а еще работать и работать.

– За углом есть диетическая столовая. В ней неплохо кормят. В квартале отсюда – ресторан. Он дорогой, но говорят, что кухня там отличная.

– Знаете что, Андрей Леонидович? Я сейчас вас арестую и отведу в этот ресторан. Там мы отметим ваше выступление. Расходы беру на себя.

– Анна Петровна, это неудобно.

– Уважаемый товарищ Зимов. Неудобно будет, если вы попытаетесь надеть брюки через голову. А отказать даме, да еще представителю органов, не имеет права. Одевайтесь, гражданин.

– Да что тут надевать. Вот он я. Только предупрежу на кафедре.

Зимов исчез на несколько минут и появился какой-то приглаженный. Даже галстук успел раздобыть.

– Все, я готов.

– Веди, Вергилий.

– Вы и Данте читали, Анна Петровна?

– Да, сидели как-то в засаде, делать было нечего. Вот и прочитала всю «Комедию»³.

Зимов, кажется, понял, что я его немного приколола, но не обиделся, а усмехнулся.

В ресторане я посмотрела цены и, поняв, что сильно не обеднею, сделала заказ. К удивлению официанта, без вина.

– И мне, и моему коллеге еще сегодня на работу, – пояснила я официанту. – Так что пьем только минералку, а в конце – кофе.

Вдруг взгляд Зимова стал несколько озадаченным. Я оглянулась и увидела, что в ресторанный зал входит академик. Ну конечно. Где же еще приедем академик обедать, как не в хорошем ресторане. Он, понятное дело, заметил нас и бодро двинулся к нашему столику.

– Примете еще одного едока?

– Кого другого – нет, а вас с удовольствием, Абрам Федорович. Так, Андрей Леонидович?

– Да, конечно. Для нас это большая честь.

– Бросьте все это. Не на заседании. Еще раз поздравляю.

Тут я приложила палец к губам. Йоффе понятиливо кивнул.

– Но я не знал, что вы уже раньше были знакомы.

– Абрам Федорович! А кто весь сегодняшний курултай организовал?

³ В «Божественной комедии» Данте Алигьери Вергилий был проводником по Аду.

– Да, конечно. Совсем забыл. Ну где же этот официант? За нашими обсуждениями я зверски проголодался. Что, вы совсем не пьете? А, понимаю, на службе. А я от бокала вина не откажусь. Привык еще в Германии.

– Знаете, – не выдержала я. – Никак не могу поверить, что сижу за одним столом с человеком, который общался с Эйнштейном, Резерфордом, Рентгеном и многими другими известнейшими физиками.

– Вижу, Анна Петровна, вы неплохо знакомы с физикой.

– В школе хорошо училась. Я даже знаю, что на самом деле рентгеновские лучи придумал еще Иван Грозный.

– Это как? – оторопел Йоффе.

– А помните, Абрам Федорович, что Иван Грозный говорил своим боярам: «Я вас, шельмы, насквозь вижу».

Зря я это сказала во время еды. Пришлось обоим мужикам крепко стучать по спинам, так как они дружно подавились.

– Ох, Анна Петровна, – сквозь слезы наконец выговорил Зимов. – Предупреждать же надо.

– Извините, товарищи. Не подумала. Исправлюсь. Дальше буду есть молча.

– Жаль, что Рентгена уже нет, – отдышавшись, сказал Йоффе. – А то я бы его повеселил. Но в очередном письме Эйнштейну обязательно расскажу этот анекдот.

Глава 5

Милая беседа так меня увлекла, что я не заметила, как идет время. А когда посмотрела на часы – ой, мамочки! Уже четвертый час, а в шестнадцать мне надо быть в наркомате. Быстро заглотала кофе, буквально впихнула в руки Зимова деньги за нас двоих, как обещала. попрощалась с Йоффе, сказав, что у меня еще срочные дела, и рванула в наркомат. Так как время поджимало, пришлось ловить такси. Впрочем, тут таксисты, не в пример нашим, люди солидные и вежливые. Меня быстро довезли до площади Дзержинского, и осталась еще пара минут, чтобы отдышаться и привести себя в порядок.

Внизу, у часового, меня ждал Трофимов.

– Как прошло совещание?

– На мой взгляд, хорошо. Согласовали резолюцию, в которой отметили важность даже не одного, а двух открытий (самого полупроводникового триода и метода получения чистых полупроводников), и распределили, кто, что и как будет делать. Академик Йоффе взял на себя теорию.

– Это хорошо. Кому, как не ему. Значит, поддержали.

– Полностью.

– Товарищ Берия будет доволен. Он почему-то придает этому направлению большую важность. Теперь скажите, вы пообедали?

– Да, причем в очень хорошей компании: с Йоффе и Зимовым.

– Анна Петровна, а кто платил за обед?

– За нас с Зимовым я, а академик за свой обед заплатил сам.

– Счет вы, конечно, не взяли?

– Нет, даже и не думала.

– Это я виноват – не предупредил вас. Если сотрудник НКГБ обедает с нужными людьми в ресторане, то ему бухгалтерия эти расходы оплачивает. Нужно только обязательно предоставить счет из ресторана. Счет покажет, что вы там обедали не одна, а с кем-то. Этот счет вы предъявляете своему начальнику, он подписывает, после чего идете в бухгалтерию и получаете деньги. Иногда, если заранее известно, с кем и где будете обедать, то деньги можно получить авансом, но потом все равно за них нужно будет отчитаться чеком. Ладно, на будущее учтите, а сейчас идемте к товарищу Берии. Через несколько минут у него закончится совещание, и он вас примет.

При этих словах Трофимов как-то странно на меня посмотрел. Я сделала вид, что ничего не замечаю.

Мы поднялись на второй этаж и подошли к знакомому кабинету. В это время дверь открылась, и оттуда выскочил какой-то взъерошенный мужик лет сорока в форме НКГБ с тремя ромбами. Я чуть было не отдала ему честь, но спохватилась, что в платье и без головного убора честь не отдадут, поэтому просто вытянулась в струнку. Мужик только мазнул по мне взглядом и поскакал дальше. Трофимов слегка улыбнулся и кивнул, чтобы я заходила.

Берия сидел за столом и читал какую-то бумагу. Я вошла и отrapoportовала:

– Здравия желаю, товарищ народный комиссар.

– Здравствуй, товарищ Северова. Проходите, садитесь.

Я села на некотором расстоянии от наркома. Он отложил бумагу в сторону и посмотрел на меня:

– Как прошло совещание, Анна Петровна?

Я повторила то, что уже рассказала Трофимову.

– Это очень хорошо. Особенно то, что все единодушно поддержали предложенную резолюцию. Значит, вы сообщили Зимову действительно важную информацию. А как лично вы считаете: сумеем мы быстро наладить производство этих приборов и радиостанций на них?

– Из тех материалов, которые я в свое время читала, помню, что от первых транзисторов (так их называли в моем прошлом) до промышленного применения прошло несколько лет. Сам эффект открыли в 1947 году, а серийные транзисторы появились только через три или четыре года. Но мы уже знаем, в каком направлении двигаться, и, кроме того, это направление будет развиваться при полной поддержке государства, а не на деньги частной, хотя и крупной, компании. Я полагаю, что пройдет около года. Но тут есть еще один важный аспект, о котором я пока никому не говорила.

Берия вопросительно посмотрел на меня.

– Дело в том, что на основе этих полупроводниковых устройств можно создавать специальные машины, которые с огромной скоростью смогут производить сложные арифметические вычисления. Те расчеты, которые сейчас, например за месяц, выполняют большие группы людей, одна такая машина сможет выполнить за несколько минут. Вы, наверное, видели мой калькулятор.

Берия кивнул.

– Так вот в таких калькуляторах использованы в большом количестве подобные полупроводниковые устройства. Понятно, что такие калькуляторы мы сможем делать еще не скоро – до появления соответствующих технологий может пройти несколько десятков лет, – но выпуск более крупных и не таких быстрых смогли бы начать через три-четыре года, если бы не будущая война. И в этом направлении у меня есть неплохие знания.

– Я понял вас, – сказал Берия. – Позже мы обязательно поговорим об этом, но теперь перейдем к другому, более срочному вопросу. Возьмите эту папку.

С этими словами он передал мне картонную папку с завязками, в правом верхнем углу которой стояли три крупные буквы: «ОГВ». *«Особой государственной важности»,* – вспомнила я инструктаж майора Григорьева. – *Разрешение на знакомство с такими материалами может давать только нарком».* По центру была надпись «Маша». Под надписью стояло слово «Дата», но сама дата отсутствовала.

– Посмотрите, что там внутри. Я разрешаю.

Я развязала тесемки и открыла папку. В ней лежала средней толщины тетрадь (в мое время такие в магазинах стоили около тридцати – сорока рублей). Слева, у корешка, были проделаны две дырки и через них продета толстая нитка или, если хотите, тонкая веревка. Эта нитка-веревка была завязана, приклеена к обложке тетради, и сверху стояла печать. Такая система не позволяла развязать нитку и незаметно вырвать пару листов. На обложке тетради в самом центре тоже была надпись «Маша». И тоже под названием стояло слово «Дата». В верхнем правом углу обложки тот же гриф секретности «ОГВ». Я посмотрела на Берию. Он кивнул. Я открыла тетрадь – там только пустые страницы. Правда, в правом нижнем углу каждой страницы поставлен ее номер, начиная с первой. *Ох, только не это,* мелькнуло у меня в голове. Видимо, Берия прочитал мои мысли, ехидно усмехнулся и сказал:

– Вы все правильно поняли, товарищ Северова. Это ваша рабочая тетрадь. И Маша – ваш рабочий псевдоним, которым вы будете подписывать все ваши документы, попадающие под гриф «ОГВ». А теперь слушайте внимательно. Сейчас товарищ Трофимов отведет вас в отдельный кабинет, в котором вас никто не сможет побеспокоить. Там вы должны вспомнить все, что проходили в школе, что читали в книгах или слышали от ветеранов про нашу войну с Германией. Даты, сражения, успехи и поражения, предполагаемые причины неудач. Короче, все. Советую разделить материалы. Сначала только даты и события. Потом все оценки и мнения. Отмечайте, с чем полностью согласны, с чем – частично, а что просто пересказываете. Пока все не напишете, из этого здания не выйдете. Задание понятно?

– Понятно, – вздохнула я.

– Вот вам один из двух ключей от сейфа, стоящего в том кабинете. Второй ключ будет у меня. И вот печать. – Он протянул мне маленькую металлическую печатку. – Документы не оставлять без присмотра ни на минуту. Нужно выйти – все собрали, положили в сейф, сейф заперли и опечатали. Устали, хотите подремать – все то же самое. Кабинет в процессе работы изнутри запираете на задвижку. После окончания работы принесете папку лично мне. Потом ключи от кабинета и сейфа, а также печать сдадите начальнику секретного отдела. Трофимов покажет.

– Товарищ Берия, – буквально взмолилась я. – Можно сначала я сбегаю в магазин и куплю авторучку-самописку? А то очень трудно писать и все время макать перо в чернильницу.

Тут Берия еще раз усмехнулся:

– В том кабинете будет письменный прибор. Там две самописки и пресс-папье для промокания. Захотите поужинать – все спрячете и пройдете в нашу столовую. После 21:00 будет работать только буфет. Чай с бутербродами там всегда есть. Трофимов проводит. Он сегодня дежурный. Напоминаю, что он о вашем происхождении не знает. Да, и еще... Писать будете на листах только с одной стороны и через строчку. Справа оставляйте поля не менее двух сантиметров. Если нужно будет что-то вставить в уже написанное, то на полях делайте сноски. Любые черновые записи тоже только в тетради. Если решите что-то удалить, то просто перечеркните красным карандашом. Идите работайте.

Я вышла с папкой, ключами и печаткой и уныло поплелась за Трофимовым сначала на третий этаж, а потом по коридору до нужного кабинета. Трофимов отпер дверь и жестом гостеприимного хозяина пригласил войти. Первое, что бросилось в глаза, – большой массивный стол. По размерам он если и уступал столу в кабинете наркома, то не намного. По центру стола располагался опять-таки массивный письменный прибор. Рядом пресс-папье и три телефонных аппарата. За столом стоял массивный стул с подлокотниками, а перед ним – несколько стульев, наверное для посетителей. В углу стоял средних размеров сейф. В противоположном углу комнаты была дверь. Я положила папку на стол, потом спохватилась, снова схватила ее и, сунув под мышку, пошла к той двери. За ней оказалась еще одна комната – небольшая, с диваном и тумбочкой, на которой стояло уже только два телефона. Из нее еще одна дверь вела в небольшой туалет.

Мамочки, чей же это был кабинет? Так как мне его предоставили без проблем, о судьбе прошлого хозяина вопросов даже не возникло, что тут же подтвердил Трофимов:

– Раньше в этом кабинете работал один из заместителей Ежова. Сейчас он там же, где и его начальник.

Все понятно, расстрелян. А его кабинет временно стал моим. Хорошо, что только временно, а то недолго и заразиться судьбой старого хозяина.

– Анна Петровна, вот ключи от кабинета. Ключ от сейфа и печать вам дал товарищ Берия. Обратите внимание на телефоны. Самый левый – городской. Средний – для связи со мной. Снимете трубку и наберете 2-11. Самый правый не трогайте. Это правительственный.

– А если он зазвонит?

– По нему может позвонить только кто-то из членов правительства. Если этот телефон вдруг зазвонит, то снимете трубку и скажете: «Северова слушает». После этого внимательно все выслушайте. Если будут какие-то приказания, то не выполняйте их, а ссылайтесь на товарища Берию. Только он может вам что-то приказать. До того как выйти из кабинета, все документы в сейф и сейф опечатать. Потом запираете кабинет. Когда все закончите, позвоните мне. Я подскажу, что и как нужно сделать. На всякий случай напоминаю, что, кроме этой работы, за вами отчет по сегодняшнему совещанию. Для отчета возьмете чистые листы бумаги и простую папку. Все это найдете в ящиках стола. Желаю успеха.

С этими словами Трофимов вышел, оставив меня в одиночестве и в сильнейшей тоске. А как удачно день начинался!

Глава 6

Приказы начальства не обсуждаются. В строгом соответствии с указаниями я закрыла дверь на задвижку, раскрыла папку и вынула тетрадь. Немного подумала и заранее открыла сейф. Если что – быстрее сумею все в него спрятать. А кстати, что в сейфе? Ничего. Даже пыли нет. Внимательно сейф осмотрела – практически стерильная чистота. Ну и хорошо. Меньше буду отвлекаться. Села за стол и тупо уставилась на тетрадь. Выдвинула верхний ящик. Там лежала стопка бумаги. Интересно, а что в других ящиках? Но оставляю это на потом, когда буду делать перерывы. Вынула из ящика листок и положила рядом с тетрадью. Будет как черновик. Из письменного прибора – ну чистый антиквариат – вынула авторучку, почиркала по листику. Вроде пишет нормально. Повздыхала, немного погрызла верхний кончик ручки и начала:

«Согласно моим данным, война началась 22 июня 1941 года, когда то ли в три, то ли в четыре часа утра (в разных книгах время указано по-разному) Германия напала на Советский Союз. Нападение сразу шло по трем направлениям: на север в сторону Ленинграда, в центр, через Минск и Смоленск на Москву, и на юг в сторону Киева».

Тут я сразу притормозила. Точные даты не помню, придется давать их ориентировочно.

«Минск был взят в начале июля, Киев в сентябре, а Ленинград взят не был, но в сентябре был окружен, и его блокада была прорвана только в 1943 году. К Москве ближе всего (до 25 километров) немцы подошли к концу октября. 5 – 6 декабря благодаря подошедшим сибирским дивизиям немецкие войска были отброшены в некоторых местах на расстояние более 250 километров. Это было первое крупное военное поражение Германии».

Далее я перечислила Сталинградскую битву с окружением и взятием в плен фельдмаршала Паулюса, сражение на Курской дуге, освобождение всей территории СССР в 1944 году, взятие Берлина и капитуляцию Германии 9 мая 1945 года. Потом решила добавить фамилии наших полководцев, но, кроме Жукова и Рокоссовского, никого не вспомнила. Затем спохватилась и в провале наших войск на Западном фронте обвинила генерала Павлова, упомянув, что его за это расстреляли. Чуть позже добавила в позорный список генерала Власова, хотя, как и почему он попал в плен, не помнила. Первая часть готова. Посмотрела на часы – ого, написала вроде бы всего ничего, а уже перевалило за семь вечера, или, как пора привыкать, за девятнадцать часов. И есть захотелось. Решила, что все равно просижу здесь до глубокой ночи, поэтому стоит поужинать. Все сложила в сейф, заперла его и опечатала. Ключи и печать запихнула в сумочку, в которой, между прочим, весь день таскаю «вальтер». Заперла кабинет и ключ от него спрятала туда же, в сумочку.

Только отойдя от кабинета, я спохватилась, что не знаю, где находится столовая, а позвонить Трофимову забыла. Решила, что сама найду или, в крайнем случае, спрошу у часового. Поразмыслив, пришла к выводу, что столовая должна находиться где-то между вторым этажом и полуподвалом, после чего двинула к лестнице. Через несколько шагов чуть было не столкнулась с мужиком, бодро двигавшимся из бокового коридора. Так как он был в форме комиссара госбезопасности второго ранга, я чуть было по уже появившейся привычке не козырнула – сдержалась в последний момент.

– Извините, товарищ комиссар госбезопасности второго ранга. Не подскажете, где тут столовая?

Комиссар внимательно посмотрел на меня, причем взгляд показался мне каким-то странным, и после небольшой паузы сказал:

– Идите со мной. Я тоже иду ужинать.

Он повернулся и двинул дальше по коридору, я пристроилась рядом. Оказывается, чтобы добраться до столовой, нужно было сначала спуститься на первый этаж, пройти по небольшому коридору и снова подняться, но не на целый этаж, а как бы на пол-этажа. Архитектору этого

здания не откажешь в чувстве юмора, но без провожатого я бы столовую точно не нашла. Раз уж мы пришли вместе, то и ужинать сели за один столик. Я огляделась и решила, что эта столовая по размерам не соответствует размерам самого здания. Следовательно, есть еще либо столовые, либо буфеты. Мужик заметил, что я разглядываю помещение, и неожиданно улыбнулся:

– Первый раз здесь едите? Раз не пошли домой, значит, останетесь работать до поздней ночи.

Ишь ты, какой догадливый. Я более внимательно посмотрела на соседа по столу и вспомнила – именно этот мужик вылетел из кабинета Берии, когда я туда пришла. Только сейчас он выглядит уже не взъерошенным, а вполне нормальным. И форма у него НКГБ. Так кто же это? Думай, Аня, думай. Вдруг мне в голову пришла совсем дурацкая мысль, и я ее тут же высказала:

– Простите, вы, случайно, не товарищ Цанава?

Если он и удивился, то виду не показал.

– Правильно. Угадали с первого раза, Анна Петровна.

Раз я угадала, то понятно, почему он меня знает. Фотку-то в личном деле наверняка видел.

Товарищ Цанава тем временем продолжил:

– В первую очередь должен принести свои извинения за моих дураков. Им был отдан простой приказ, а они решили проявить инициативу, за что получили от вас по заслугам. И я еще добавлю, когда вернусь в Минск.

– Но может быть, для них приказ оказался недостаточно четким? Я знаю анекдот на тему недостаточно четко выраженных желаний. – *Что-то меня сегодня на анекдоты потянуло.*

– Раз знаете, то расскажите.

– Слушайте, товарищ Цанава. «Негр умирал в пустыне от жажды и взмолился своему богу: «Господи, сделай меня белым и чтобы у меня всегда было много воды и много женщин». Бог его послушал и выполнил все, что тот попросил, – негр стал белым... – тут я сделала небольшую паузу, – унитазом в женском туалете».

Ну вот. Теперь и этого пришлось колотить по спине. Все, с сегодняшнего вечера бросаю вредную манеру рассказывать анекдоты за едой, а то скоро всех переморю. Хорошо еще, что столовая практически пуста, иначе народ стал бы удивляться, как какая-то баба в штатском колотит по спине комиссара госбезопасности второго ранга.

Цанава отдышался не в пример быстрее, чем мои дневные собеседники.

– Понял вас, товарищ Северова. Пожалуй, придется смягчить наказание моим лейтенантам. И в будущем отдавать им самые точные приказы, не допускающие отклонений. На самом деле я просто хотел поговорить с вами еще до вашего визита в Москву, так как не знал, что вас вызвал сам товарищ Берия. Я хотел поблагодарить за бумаги, вы знаете какие. Кроме того, что они сами по себе оказались исключительно важными, найдя их, вы помогли мне щелкнуть по носу кое-кого из Иностранного отдела НКГБ, возомнивших о себе слишком много.

– О каких бумагах идет речь – я знаю, но совершенно не представляю, что в них.

– Об их содержании даже в этой столовой говорить не будем. Скажу только, что за ними и их хозяином давно охотились наши люди. Хозяина поймали, но он в последний момент успел покончить с собой. Нам досталась только его коллекция охотничьего оружия, – *ой, чувствую, что не вся коллекция, – ну, Трофим, погоди!* – и шифр к его записям. А вот самих записей при нем не оказалось. И представьте себе, что я почувствовал, когда узнал, что самый молодой сотрудник моего наркомата на ровном месте сумел найти то, что больше года искало по всей Белоруссии и за ее пределами целое подразделение Иностранного отдела НКГБ. Я в связи с этим написал на вас представление, которое сейчас находится у товарища Берии.

Хм. Интересно. Берия мне ничего такого не говорил. Впрочем, может быть, еще скажет. А пока пора закругляться – у меня еще куча работы.

– Спасибо, товарищ Цанава. А сейчас извините. Я выполняю срочное задание товарища Берии и должна идти работать.

– Идите, Анна Петровна. Рад был с вами познакомиться. Впрочем, нам вместе еще работать и работать.

Тут я немного не сдержалась, и решила все-таки сразу расставить все точки над «і». Я наклонилась и негромко ему сказала:

– Товарищ Цанава. Вы можете полностью на меня положиться. Я с максимальным старанием выполню все ваши приказы, кроме одного.

Он серьезно посмотрел на меня и так же негромко произнес в ответ:

– Хорошо. Договорились. Так и будем работать в дальнейшем.

Уф! Кажется, пронесло. В таких делах главное – не пережать. Он понял, что я вполне удовлетворена его словами и не собираюсь под него копать. Это для него важно, так как мои связи в Москве ему неизвестны. А я вывела Васю из-под удара. Тоже хорошо.

Я быстренько потопала к себе на третий этаж, думая о только что закончившемся разговоре. И чего этому Цанаве не хватает? Видный мужик, возраст еще вполне, положение – ого-го. Да на него бабы должны вешаться гроздьями, а он вместо того, чтобы спокойно выбирать, ищет себе на одно место приключений. Дойдя тем временем до кабинета и выполнив все положенные манипуляции, начиная с проверки целостности печати на сейфе, я продолжила составление бумаги.

Прежде всего, я решила выписать на листе, используемом в качестве разделителя, систему обозначений. Информация из учебников будет помечаться буквой «У», из книг – буквой «К», а сведения, полученные от знакомых, – буквой «З». При этом напротив тех данных, с которыми я была согласна, буду ставить плюс, напротив сомнительных – вопросительный знак, а напротив тех, которые считаю чушью, – знак минус. После этого дело сдвинулось с мертвой точки. Я вписывала разные сведения, не особо заботясь о категории, а потом размечала. Вы скажете, что так их будет труднее читать. Согласна, зато так намного легче писать. А если кто-либо из руководства решит, что приведенная тут информация заслуживает внимания, то пусть велют перепечатать нужные места или весь текст целиком уже в упорядоченном виде. Эх, как все-таки плохо без компа с «Вордом»!

Глава 7

Итак, к причинам неудач я отнесла: репрессии командного состава (знак вопроса и минус), неготовность армии – тут будут дополнительные градации, потому что армия, конечно, готовится, вот только явно недостаточно (сразу плюс, минус и вопрос), неверие товарища Сталина в нападение Германии на СССР (твердый минус). Далее пошли: недостаточная компетентность командиров всех рангов (увы, но твердый плюс), плохие средства связи (тоже плюс), неправильная деятельность Генштаба, не выработавшего нужные доктрины ведения войны (плюс и вопрос). Так, мало-помалу, набралось более десятка страниц текста. Я подумала над этими страницами и решила для большей наглядности изобразить все графически. Тут самое правильное было бы подготовить презентацию, но опять облом. Приходится исходить из того, что есть. Поэтому вытащила из стола стопку листов, каждый лист пронумеровала (чтобы меньше придирались по поводу секретности) и стала рисовать на них прямоугольники с текстом, а стрелками отображать взаимосвязи различных проблем. Например, плохая связь обуславливает проблемы с управлением, а недостаточная подготовка солдат ведет к большим потерям.

Кинула взгляд на часы – ого, уже двадцать три часа, а работы еще часа на три. Но делать нечего – задание должно быть выполнено. Тут мою увлеченную работу прервал телефонный звонок. Интересно, кому это не спится? Посмотрела – мамочки, а ведь это звонит правительственный телефон. Как положено, сняла трубку и доложила:

– Слушаю, Северова.

– Здравствуйте, товарищ Маша.

Интересно, голос незнакомый с каким-то небольшим акцентом. А как отвечать? Не придумав ничего лучше, я брякнула в ответ:

– Здравствуйте, но я не Маша, а Аня.

И только теперь сообразила, что человек на том конце провода знает, что написано на обложке тетради с грозным сокращением «ОГВ».

– Хорошо, здравствуйте, товарищ Аня. Я хотел бы узнать, как продвигается ваша работа с заполнением тетради.

– Извините, товарищ... – Тут я сделала паузу, потому что не знала, как нужно обращаться к собеседнику. Он это понял и, после небольшой заминки, сказал:

– Называйте меня товарищ Коба.

Эту фамилию я уже слышала, только, убей бог, не помню где.

– Извините, товарищ Коба. Я в данный момент выполняю работу, которую мне поручил товарищ Берия. И отчитываться имею право только перед ним или перед тем, кого он мне назовет лично. Но в любом случае по телефону, даже по правительственному, я не могу ничего сказать.

– Я звонил товарищу Берии, но его нет на месте, и сказали, что будет только через час. А мне важно знать, когда все будет готово.

– Очень сожалею, товарищ Коба, но инструкции для того и пишут, чтобы их выполняли. Впрочем, вы можете позвонить майору Трофимову. Его я знаю, и если он вас отрекомендует как человека с достаточными полномочиями, то некоторую информацию я вам дам.

– Спасибо, товарищ Аня. Тогда у меня к вам есть другой вопрос – зачем вы побили товарища Цанаву? Он что, вас обидел?

Вот это да! Воистину скорость стука намного превышает скорость звука. Интересно, уже все правительство знает о нашем ужине или только этот Коба?

– Товарищ Коба, у вас неверная информация. На самом деле все было наоборот.

– Не понял вас. Что, не вы били, а он вас бил?

– Нет, товарищ Коба. Просто мы ужинали с товарищем Цанавой за одним столиком, и он подавился. А я знаю только один способ выручить подавившегося человека – сильно стукнуть ему пару раз по спине, что и сделала. А так с товарищем Цанавой у нас вполне нормальные рабочие отношения.

– Это хорошо, спасибо за разъяснения. Продолжайте работать, товарищ Аня-Маша. Не буду вам мешать.

И телефон отключился. Фу, можно работать дальше, но все-таки с кем же я говорила? Я продолжила мои зарисовки и записи. Но минуты через три раздался стук в дверь.

– Анна Петровна, это Трофимов. Мне нужно с вами срочно поговорить.

– Подождите, пожалуйста, товарищ майор. Только уберу бумаги.

С этими словами я моментально запихнула все в сейф, похвалив себя за предусмотрительность, так как сейф держала открытым. Заперев сейф, подошла к двери и открыла. Трофимов бросил взгляд внутрь, убедился, что мой стол чист, и вошел.

– Мне сейчас звонил сам товарищ Сталин и просил узнать у вас, когда будут готовы ваши материалы. Они нужны ему к девяти часам утра.

Ну я и дура! Только сейчас вспомнила, кто такой Коба. Это же была подпольная кличка товарища Сталина. Да, опять вляпалась. Но кажется, он не рассердился. Впрочем, по телефону я даже ему ничего не стала бы рассказывать. Может, в этом времени хороших прослушек еще нет, но я-то знаю, что по телефону говорить ничего важного нельзя. А Трофимов, пока я думала, нетерпеливо ждал ответа.

– Товарищ майор. Можете доложить товарищу Сталину, что к двум часам ночи я все закончу и вручу бумаги лично товарищу Берии. А если он к этому времени не вернется, то буду ждать около его кабинета. Эти бумаги я не могу передать даже вам, поскольку у вас нет для них допуска.

– Хорошо, продолжайте работать.

Трофимов умчался, а я снова вытащила все из сейфа и вернулась «к своим баранам». Больше меня никто не беспокоил, поэтому к часу ночи все было аккуратно прорисовано, подписано и сложено в стопку. А в тетрадь я записала, что основные материалы приведены на тридцати двух листах. Жаль только, что нет иголки, толстой нитки и печати, чтобы все это сброшюровать. Поэтому я просто сложила бумаги и тетрадь в папку, после чего папку тщательно завязала. Внизу на обложке поставила сегодняшнюю дату и расписалась. Уф! Теперь можно идти к наркому. А ведь устала, однако. Понятно, почему Вася так плачется из-за бумажной работы. Легче две тренировки в роте провести, что вот так несколько часов все записывать.

К счастью, Берия уже вернулся, поэтому я сразу вручила ему папку и села в ожидании. Он папку развязал и открыл. При этом листы чуть не выпали. Берия поморщился, но ничего не сказал, а стал все внимательно просматривать. Спустя несколько минут он поднял на меня взгляд и заговорил:

– Вы сделали хорошую работу, товарищ Северова. Такое представление материала заметно облегчает понимание. Официально вам сообщаю, что все эти и другие материалы вы можете без дополнительного разрешения предоставлять товарищу Кобе. А то он жалуется, что вы ему не доверяете.

– Товарищ Берия. По телефону я никому вообще ничего секретного говорить не буду. Даже товарищу Кобе, то есть товарищу Сталину. В мое время телефон стал одним из самых ненадежных с точки зрения секретности средств связи.

– Хорошо, я вас понимаю. Теперь идите к Трофимову, возьмите у него все необходимое для прошивки листов. После того как приведете содержимое папки в надлежащий вид, принесете ее мне и можете идти отдыхать.

Минут за двадцать я выполнила все необходимые манипуляции и вернула папку Берии. Он отпустил меня с миром, но по дороге на выход меня перехватил Трофимов:

– Анна Петровна. Понимаю, что у вас было много работы, но вынужден напомнить про отчет. Вам товарищ Берия когда сказал прийти?

– К 11:00.

– Значит, приходите к 10:00 и в том же кабинете напишите отчет. Часа вам хватит?

– Конечно хватит.

– Договорились. Жду вас с отчетом. Теперь не забудьте все сдать в режимный отдел.

И ведь действительно забыла. Умница майор, напомнил. Я сдала все ключи и печать секретчику, расписалась в журнале и двинула домой. Вот только перед тем, как свернуть в переулок, спохватилась, что я все еще в платье. Пришлось продолжить путь – хорошо еще, что недалеко. В ателье с сожалением сдала платье, туфли и сумочку и получила назад свою форму. Конечно, при моей и Васиной зарплате я вполне могла себе позволить купить этот комплект, но что я с ним буду делать в Гродно через три-четыре недели? Подарить какому-нибудь немецкому офицеру для его фрау? Фигушки. Поэтому оделась в форму и, вздыхая о несбыточном, поплелась по ночной улице на квартиру. Там механически пожевала кое-что из оставленного кухаркой, думая о том, что я почти сутки на ногах. А потом улеглась спать с нехорошим чувством, что вчера были еще ягодки, а вот что будет сегодня?..

Глава 8

Утро, вопреки ожиданию, началось вполне нормально. Я даже почти выспалась, несмотря на то что легла в третьем часу ночи. Спокойно позавтракала и не спеша пошла на работу. Вошла в здание наркомата без десяти десять и сразу направилась в секретный отдел. Там получила ключи от «своего кабинета» и потопала на третий этаж. Поднимаясь по лестнице, столкнулась с Трофимовым.

– Доброе утро, Анна Петровна. У вас все в порядке?

– Доброе утро, товарищ майор. Все в норме, иду вот писать отчет.

– Очень хорошо. Я сейчас закончил суточное дежурство и иду домой. Свой отчет положите в папку и сдайте моему заместителю. Он будет сидеть в приемной товарища Берии. Все понятно?

– Так точно, все понятно.

– Замечательно. Счастливо оставаться.

Трофимов пошел вниз, а я продолжила путь вверх. В кабинете все было точно в том состоянии, как я оставила вчера. Правда, пыли не заметила. Значит, успели убрать. Ну и хорошо. Могу спокойно работать – никто не мешает. Усевшись за стол, вытащила из ящика бумагу и приступила. Вот что значит хорошая самописка. Не только не посадила ни одной кляксы, но, кажется, не сделала ни единой ошибки. И на все про все ушло около тридцати минут. Еще раз пробежала написанное глазами – вроде в норме. Из другого ящика вытащила картонную папку-скоросшиватель. Заглянула еще в один ящик – а там дырокол. Вообще отлично. Подшила все листы в папку, справа сверху на папке поставила гриф «СС». Не знаю, имею ли я на это право, но решила, что хуже не будет. Вот только что нужно написать на обложке?.. Решила ничего не писать. В крайнем случае сам Трофимов напишет. Взяла папку и двинулась на второй этаж.

Около кабинета Берии за столом сидел незнакомый капитан.

– Товарищ Северова?

– Так точно. Вот принесла отчет.

– Хорошо, давайте мне и садитесь, подождите.

Он взял отчет, карандашом пометил на нем время – 10:44 – и положил отчет в стол. Я скромненько уселась на стул в сторонке. Ждать пришлось долго. Какие-то люди входили и выходили. И только минут через сорок капитан, выйдя от Берии, пригласил меня войти.

– Здравствуйте, Анна Петровна.

– Здравствуйте, товарищ Берия.

– Вот возьмите эти материалы. – Берия протянул мне тоненькую папку с уже знакомым грифом «ОГВ» и продолжил: – Внимательно все прочитайте и через тридцать минут возвращайтесь сюда.

Я взяла папку и вернулась в свой кабинет. Там открыла папку и очень удивилась. В ней лежали листы с картинками, очень похожими на те, что я рисовала сегодня ночью. Только тексты в рисунках были не рукописные, а напечатанные на машинке. И, присмотревшись внимательно, я заметила, что это был не первый экземпляр. Можно было сделать вывод, что все мои записи были перепечатаны и скомпонованы точно так же, как это сделала я. Стоп! Так же, но не совсем! Некоторые фрагменты моего оригинального текста отсутствовали. В частности, не было фрагмента о репрессиях. Значит, текст не просто перепечатали, а еще и тщательно отредактировали. Ну что же, будем читать.

Я внимательно прочитала все бумаги. Отметила, что общая концепция осталась нетронутой, но убраны все моменты, касающиеся действия или бездействия товарища Сталина. При этом перечисление всех недоработок военных с моими пометками осталось на месте. Хроно-

логия вообще вся сохранилась. Интересно, кто же это редактировал и почему все напечатали в нескольких экземплярах? А что гадать. Через несколько минут узнаю. Аккуратно все собрала, завязала тесемки и вернулась в приемную Берии. Капитан, увидев меня, тут же встал и зашел в кабинет. Буквально через минуту он вышел и пригласил пройти меня.

– Слушаю вас, товарищ Северова. Есть замечания, дополнения?

– Дополнений нет, товарищ Берия. Только тут не все материалы из моего отчета.

– Я знаю. Оригинал находится в другой папке. Теперь слушайте – до семнадцати часов вы свободны. В 17:00 жду вас здесь. Идите.

Я повернулась и вышла. Интересно, что будет в семнадцать часов?

Ну и что теперь делать? Сейчас около полудня. Значит, у меня есть пять часов. Из них минут сорок надо отвести на обед – кто знает, что и как потом будет, а то застряну, как сегодня, до ночи – и ку-ку. Вообще-то можно было бы заняться моими проблемами: найти консультанта по старинному оружию, само оружие в каких-либо музеях, в библиотеках пошарить, в конце концов. Но без Трофимова я в Москве сороковых годов не сориентируюсь. А метро только еще зарождается. Хотя стоп! От «Сокольников до Парка на метро»⁴. Это означает, что метро до Библиотеки имени Ленина уже ходит. А ехать отсюда, насколько я помню, всего две остановки.

Я решительно подошла к капитану, который только что вышел от Берии и уселся за стол.

– Товарищ капитан, разрешите обратиться.

– Слушаю вас, товарищ Северова.

– Я в Москве всего второй раз и плохо здесь ориентируюсь. Мне нужно попасть в Библиотеку имени Ленина. Туда идет метро, но как пройти в саму библиотеку? У меня из документов только удостоверение. И времени всего три или четыре часа. Не подскажете, как тут быть?

– Хорошо, подождите несколько минут, я вам помогу.

Капитан достал какую-то толстую книгу, что-то там поискал. Видно, не нашел, потому что открыл уже другую книгу, по виду бухгалтерскую, и стал кому-то названивать.

– Сеня, привет. Скворцов беспокоит. Ты у нас Ленинку курируешь? Отлично. Сейчас к тебе подойдет человек от Самого. Ей нужно там поработать с книгами. Вам в спецхран? – Это уже мне.

– Не знаю. Скорее всего, нет. В обычный читальный зал.

– Ей нужно поработать в обычном читальном зале. Посодействуй с проходом и поговори, чтобы ей материалы побыстрее подбирали, а то времени у нее всего пара часов. Сам проводишь? Отлично. У какого выхода будешь ждать? Понял. Через пять минут к тебе подойдет высокая красивая девушка, Анна Петровна Северова. Ты ее, пожалуйста, не обижай, а то, несмотря на внешность, рука у нее тяжелая. Вчера за плохое поведение двух человек в госпиталь отправила. Не шучу. Не веришь мне – спроси у Трофимова. До связи.

– Вам все понятно, Анна Петровна? Идите к выходу номер три. Там вас будет ждать капитан Астафьев. Он все обеспечит.

– Спасибо, товарищ капитан.

Я спустилась и прошла к выходу номер три. Там уже стоял низенький и очень широкий в плечах капитан.

– Товарищ Астафьев? Разрешите обратиться? Младший лейтенант Северова.

– Так точно, я Астафьев. Идемте, провожу вас в библиотеку. Сколько у вас времени?

– Мне нужно быть здесь в 17:00.

– Да, времени не слишком много, но кое-что наверняка успеете. По крайней мере, я вас представлю, чтобы потом вы могли сами туда проходить по удостоверению и работать столько, сколько нужно.

⁴ Строки из известной песни конца 30-х годов, исполнявшейся Леонидом Утесовым.

Мы вышли, пересекли площадь, которая была заметно меньше современной мне Лубянки. Да и «Детского мира» еще не было и в помине. Спустились в метро. Там прошли мимо контролера, показав наши удостоверения. Короче, через двадцать минут мы уже входили в Библиотеку имени Ленина, правда, не с главного входа, а с какого-то бокового. Прямо от входа капитан Астафьев вызвал начальника первого отдела библиотеки.

Подошел прихрамывающий мужик, про которого я ни за что бы не сказала, что он библиотечный работник. Впрочем, он и не был им. Первый отдел следит не за книгами, а за секретностью.

– Сан Саныч, приветствую тебя. Вот рекомендую нашего сотрудника, Северову Анну Петровну. У нее от руководства задание, для выполнения которого нужно поработать в вашей библиотеке. Ты помоги ей, чтобы все побыстрее делали. И запомни, потому что ей, может быть, еще несколько раз придется к вам приходить.

– Все сделаю в лучшем виде. Не извольте беспокоиться, товарищ капитан.

– Вот и хорошо. Оставляю ее на тебя. Успешно поработать, Анна Петровна.

С этими словами капитан повернулся и ушел, а я осталась в обществе Сан Саныча.

– Анна Петровна. Извините, но порядок есть порядок. Позвольте посмотреть ваше удостоверение.

Я протянула ему свои корочки. Сан Саныч внимательно все прочитал, после чего успокоился и сказал:

– Идемте, в какой зал желаете?

– Сан Саныч. Я здесь первый раз в жизни и ничего не знаю. Мне нужно посмотреть книги по старинному оружию. Луки там, арбалеты, пращи и тому подобное. Так как времени у меня очень мало, для начала достаточно две-три книжки. И комнату, где их можно спокойно читать.

– Все понял. Сейчас сделаем. Идите за мной.

Мы пошли какими-то коридорами, неожиданно вышли в большой зал. Там прошли еще немного, и Сан Саныч остановился около столика, за которым сидела пожилая, совершенно седая женщина.

– Елена Викторовна. Вот товарищ из органов.

Тут женщина немного дернулась, а Сан Саныч спокойно продолжил:

– Ее интересуют книги по старинному оружию. Она в нашей библиотеке первый раз, и у нее мало времени. Возьмите над ней шефство, пожалуйста.

Женщина облегченно вздохнула и сказала:

– Не беспокойтесь, Александр Александрович. Все сделаю.

Сан Саныч ушел, а женщина выслушала мои запросы, попросила подождать минут двадцать и тоже вышла. Вернулась она примерно через полчаса с двумя толстыми томами.

– Идемте, товарищ младший лейтенант.

Меня проводили в небольшую комнату с несколькими столами, причем на каждом столе стояла настольная лампа. Комната в данный момент была пуста.

– Садитесь, пожалуйста. Здесь вас никто не будет беспокоить.

Потом она посмотрела на меня и как-то нерешительно сказала:

– Извините, товарищ младший лейтенант. Но попрошу страниц из книг не вырывать. Это очень редкие экземпляры. Если вас что-то заинтересует, то у нас есть фотограф, который сможет сфотографировать нужные страницы. Вы только вложите закладки.

– Не беспокойтесь, Елена Викторовна. Я умею обращаться с книгами и никогда не вырываю страницы. Сегодня я их только пролистаю – на большее, увы, нет времени. Но через какое-то время надеюсь вернуться и более детально поработать в вашей библиотеке. Вы тут каждый день работаете?

– Да, с девяти до семнадцати.

– Отлично. В следующий раз я уже буду знать, к кому обращаться.

Успокоенная Елена Викторовна вынула из книг какие-то бумажки и ушла, а я раскрыла первый фолиант.

Глава 9

Более двух часов я просидела за книгами, но почти ничего существенного для себя не почерпнула. Разве что увидела на картинках, что пращу можно раскручивать не только в горизонтальной, но и в вертикальной плоскости. Для меня это плюс, так как не только повышается точность, но и обеспечивается скрытность. Взяла на заметку. Еще посмотрела разные конструкции арбалетов и твердо поняла, что без специалиста мне никогда что-либо подобное не сделать. Про лук я нашла много материала, прочитав который лишь утвердилась во мнении, что его точно делать не имеет смысла. То есть сам лук сделать вроде бы можно, но вот правильные стрелы – полный аут. Это не арбалетный болт, который можно вырезать даже из простого полена. И что еще меня огорчило – в этих книгах я ничего не нашла про метательные орудия типа баллист.

Посмотрела на часы и решила, что на сегодня хватит. Оттащила обе книги на стол к Елене Викторовне. Она их аккуратно, но быстро пролистала (*доверяет, но проверяет*), вложила туда вынутые ранее листики и сказала, что все в порядке. Мы вежливо распрощались, и я двинула назад в наркомат. Есть еще час на обед.

Только я уселась в столовой, предвкушая неторопливое поглощение ароматного супа и большой котлеты с картошкой, как увидела в дверях капитана Скворцова. Он встал у входа и начал сканировать обеденный зал. Не иначе как меня ищет. В тоске помахала ему рукой, но капитан сам заметил меня и ринулся к столику.

– Анна Петровна, товарищ Северова. Лаврентий Павлович уже два раза вас спрашивал. Я звонил в библиотеку, но там сказали, что вы ушли. Хорошо, что пришли обедать к нам, а то где бы я вас искал. Пять минут вам на обед, и поднимайтесь к наркому.

Скворцов повернулся и убежал, а я с испорченным настроением стала без всякого аппетита поглощать обед. Компот допила уже стоя. Но твердо решила, что подниматься буду медленно – пусть хоть немного еда переварится. Поэтому к кабинету я, отдуваясь, добралась минут через десять. Скворцов тут же нырнул внутрь, выскочил и пригласил меня войти.

– Товарищ Северова, – встретил меня Берия, – оставьте ваше оружие товарищу Скворцову и идемте со мной.

На выходе я вытащила наган из кобуры и «вальтер» из сумочки и, отдав их Скворцову, засемила за Берией, который неожиданно крупным шагом быстро пошел куда-то в боковой коридор. Мы спустились по лестнице и вышли во внутренний двор, где нас ждала машина. В старинных машинах я не разбираюсь, но, судя по комфорту внутри, она была на должном уровне. Нарком галантно предложил мне сесть первой. Я решила не выделяться и, благодарно улыбнувшись, села. Берия сел рядом, и машина очень плавно и очень резво для данного времени тронулась с места. Берия поднял перегородку, после чего повернулся ко мне и заговорил:

– Товарищ Сталин перенес совещание, на котором нам надо обязательно быть. Пока едем, хочу предупредить, что на этом совещании будут еще два человека, которые в курсе вашей истории, но они ничего не знают о судьбе СССР. Поэтому обсуждаться будет только будущая война.

– А если кто-то, пусть случайно, затронет эту тему?

– Не думаю, но в крайнем случае, если товарищ Сталин не прикроет это направление разговора, я возьму инициативу на себя. Вы говорите только о войне и отвечаете на вопросы только о войне.

– Все понятно, товарищ Берия. Не беспокойтесь. Я прекрасно понимаю, что шаг вправо или шаг влево... Ну дальше ясно.

– Вот именно. Ни шагу в сторону.

К этому моменту машина, заехав в Кремль, остановилась у здания, куда обычным смертным в мое время вход был строго запрещен. Во всяком случае, я прекрасно помнила, что при прогулках по Кремлю милиция строго следила, чтобы люди не заходили за определенные, четко очерченные границы. Наверное, и сейчас сюда никого из посторонних не подпускают.

В приемной сидели еще два человека. Один из них, хмурый пожилой мужчина, был в военной форме с очень большими звездами. Я подумала, что это наверняка маршал, и не ошиблась. Берия, представляя меня, сказал:

– Вот, товарищ Шапошников, это и есть Анна Петровна Северова, материалы которой вы прочитали. Анна Петровна, это товарищ Шапошников, Маршал Советского Союза и заместитель наркома обороны.

Я поприветствовала его:

– Здравия желаю, товарищ маршал.

Шапошников слегка искривил губы – наверное, это должно было обозначать улыбку – и ответил на приветствие:

– Здравствуйте, товарищ младший лейтенант.

Второй из мужчин в форме политработника был среднего роста, с густой черной шевелюрой и с таким носом, что ошибиться в его национальной принадлежности было нельзя. Берия представил его как армейского комиссара первого ранга Льва Захаровича Мехлиса. Мехлис посмотрел на меня с подозрением, но поздоровался вежливо. В это время секретарь товарища Сталина открыл дверь в кабинет и пригласил всех войти. Для меня это означало, что сейчас я увижу то ли самого страшного злодея всех времен и народов, то ли гениального правителя и мыслителя. Но, войдя в кабинет, я испытала полное разочарование. Около большого овального стола стоял невысокий симпатичный усатый дедушка, который смотрел на вошедших, как мне показалось, даже с некоторым любопытством. Без ложной скромности я решила, что любопытство относится ко мне, поскольку остальных он, конечно, видел много раз.

– Здравствуйте, товарищи. Проходите, садитесь. Я собрал вас немного неожиданно, потому что события последних дней, к сожалению, не позволяют нам откладывать решение очень важных вопросов. Товарищ Берия уже представил вам товарища Анну Петровну Северову, которая неизвестно каким образом попала к нам из начала XXI века. Прежде чем пригласить ее сюда, мы внимательно в течение двух месяцев присматривались к ней, чтобы понять, какой она человек. За это время товарищ Северова проявила себя достойным человеком, хотя некоторые личности, возможно, составили о ней несколько другое мнение. Но с ними наши органы уже разобрались.

Я почувствовала, что щеки начинают гореть, уши, кажется, тоже. Берия при этих словах товарища Сталина еле заметно улыбнулся, а Мехлис посмотрел на меня уже с некоторым удивлением, смешанным, кажется, с опаской. Впрочем, может быть, я преувеличиваю. Тем временем Сталин продолжил:

– Вы все ознакомились с документом, который по моему заданию вчера подготовила товарищ Северова. Документ настолько секретный, что даже по правительственному телефону она не рискнула рассказывать мне о его содержании.

В этот момент заулыбались уже все.

– Мы с товарищем Берией знаем, что на самом деле товарищ Северова лучше излагает материалы устно, чем записывает их на бумаге. В данном документе очень конспективно изложены крайне важные данные, рассмотреть которые следует безотлагательно. Поэтому прошу задавать вопросы. А пока вы готовитесь, первый вопрос задам я. Скажите, товарищ Северова, насколько вы уверены в дате нападения? Сидите, сидите. Неудобно, когда дама стоит, а мужчины сидят.

Прежде чем начать говорить, я с удивлением заметила, что сейчас за столом сидит уже не «добрый дедушка», а, как сказали бы теперь, руководитель крупной корпорации, ведущий совещание топ-менеджеров.

– Товарищ Сталин. Во всех книгах, которые я читала, а также во всех беседах с ныне здравствующими ветеранами Великой Отечественной войны я видела и слышала только одну дату: 22 июня 1941 года. Правда, не помню где, я прочитала, что сначала Гитлер планировал напасть 15 июня, но по каким-то причинам отодвинул срок нападения на неделю.

При этих словах Шапошников слегка кивнул. Возможно, он знал, что это за причины.

– Товарищ Сталин, разрешите? – Шапошников встал. Сталин жестом усадил и его, решая задать вопрос. – Товарищ Северова. Из ваших бумаг следует, что немецкие войска к сентябрю уже прошли всю Белоруссию. Как немецкие войска сумели так быстро преодолеть озера и болота Белоруссии?

– В некоторых книгах было написано, что лето в Белоруссии выдалось очень жарким и сухим. Многие болота пересохли.

– Еще вопрос. Согласно вашим материалам, Москву спасли сибирские дивизии, переброшенные с Дальнего Востока. А что японцы? Почему они не напали на нас?

– О том, что японцы не нападут на нас, наша разведка получила доказательные сведения от агента. – Тут я сделала паузу и посмотрела на Берию. Он кивнул. Сталин, заметив наш обмен взглядами, усмехнулся в усы. – От агента Рамзая⁵, работавшего в Японии. В книгах я читала сразу две причины: во-первых, японцы хорошо запомнили урок Халхин-Гола, а во-вторых, они очень обиделись на Гитлера за договор с нами 1939 года. Когда Гитлер потребовал от японцев нападения на СССР, они стали кормить его завтраками: типа завтра, послезавтра и тому подобное. Потом заявили, что нападут после падения Москвы. А в декабре 1941 года японцы напали на США, потопив их флот около Перл-Харбора. После этого война стала в полном смысле мировой, и вскоре ни у кого не осталось сомнений, что японцы на СССР вообще не нападут. Кстати, именно после официального вступления в войну Соединенные Штаты начали оказывать нам реальную помощь сырьем, оружием, продовольствием и тому подобное. А до этого времени поддерживали нас только на словах.

⁵ Рамзай – позывные группы советского разведчика Рихарда Зорге, работавшего в Японии.

Глава 10

Кажется, первый вал вопросов отбила. Фу. По-моему, товарищ Сталин понял, что мне нужна небольшая передышка, и попросил секретаря принести всем чай.

– Теперь доложите подробнее, товарищ Северова, какие причины, с точки зрения наших потомков, привели к поражениям в первые месяцы войны? – Это снова взял слово Сталин.

В первую очередь я рассказала про проблемы со связью, упомянув, что около двух недель Генштаб не имел никакой достоверной информации о положении дел на фронте.

– Товарищ Сталин. В моей прошлой жизни меня учили создавать системы для управления сложными объектами. Такие системы, которые должны получать информацию, обрабатывать ее по определенным правилам и выдавать некие управляющие сигналы. Если информации нет или если она неправильная, то вся система оказывается неработоспособной. То же самое, насколько я понимаю, относится к Генштабу. Он тоже выдает управляющие сигналы на основе полученной и обработанной должным образом информации. Все равно как мозг человека⁶.

При этих словах все почему-то посмотрели в сторону маршала Шапошникова, который сидел с самым невозмутимым видом. Далее я рассказала, что в первые же дни войны страна практически осталась без авиации, так как очень много самолетов было уничтожено прямо на аэродромах. Потом вспомнила кое-что еще из уроков истории.

– Товарищи. Я ни в коем случае не являюсь специалистом в области военной стратегии и тактики. Поэтому сразу сознаюсь, что фразу, которую сейчас скажу, сама не понимаю. Но ее требовала заучить наизусть наша историчка, – *ой, что-то я слишком резко об учительнице истории*, – рассказывавшая нам о Великой Отечественной войне. Вот эта фраза: «Разработанная еще Тухачевским идея «ответного удара» стала стержнем плана войны вместо более подходящей для нашей армии идеи стратегической обороны».

При этих словах все присутствовавшие помрачнели, особенно Шапошников. Но Сталин все-таки кивнул:

– Возможно, товарищ Северова, что это правильная критика. Борис Михайлович, попрошу вас проработать данный вопрос и через два дня доложить, сколько времени потребуется Наркомату обороны и Генштабу на разработку и модернизацию нашей военной стратегии. Считайте, что война уже у порога.

– Слушаюсь, товарищ Сталин.

– А вам, товарищ Северова, поясню, что наша стратегия в данный момент основана на немедленном нанесении мощного ответного удара агрессору с тем, чтобы военные действия в кратчайшие сроки перенести на территорию противника.

Но, получив, наконец, простые и понятные разъяснения, я уперлась. Ведь на практике эта стратегия не только не оправдала себя, но – и, может быть, это было главным – наши солдаты и командиры оказались полностью не готовы к действиям в обороне.

– Товарищ Сталин. Извините за настойчивость. Я хорошо играю в шахматы и знаю, что при игре черными, когда начинает противник, сначала надо грамотно обороняться и только потом, перехватив инициативу, переходить в контратаку. А тут Германия начнет первая. И начнет по всей границе. Причем точки нанесения основных ударов я, к сожалению, не помню. Если мы не выдержим в обороне, то переходить в контратаку будет некому. Согласно истории, которую я изучала, вся наша армия в три с лишним миллиона человек была разгромлена. И воевала и одерживала победы фактически уже другая армия.

⁶ Б.М. Шапошников в 1929 году написал работу «Мозг армии», посвященную анализу деятельности Генерального штаба при подготовке и ведении войны.

– Это хорошо, что вы, товарищ Северова, стараетесь аргументированно защитить свою точку зрения. Но при этом вы не учитываете многие реально существующие факты, о которых просто не знаете. Впрочем, в ваших словах есть определенный резон. Думаю, что нам следует еще раз в срочном порядке проверить состояние дел в наших пограничных округах, и в первую очередь в Западном особом военном округе. Товарищ Мехлис. Я специально пригласил вас на это совещание, потому что не знаю другого человека, который смог бы так быстро и дотошно провести подобную проверку.

При этих словах Мехлис явно приободрился и гордо поглядел на нас.

– Товарищи, предлагаю создать группу под руководством товарища Мехлиса. В эту группу от НКГБ войдет лейтенант Северова. Лев Захарович, не кривитесь. У Анны Петровны уже есть опыт подобных проверок. Она вам расскажет. От Генштаба войдет майор Разведупра Серков. Завтра к одиннадцати часам прошу вас, товарищ Мехлис, согласовать план действий с товарищем Шапошниковым, и после обеда вся группа должна будет вылететь в округ. Думаю, что одной недели вам хватит?

– Так точно, товарищ Сталин, хватит. – Это уже Мехлис.

Вот это влетела! Я-то планировала еще поработать в библиотеке, разыскать каких-нибудь спецов по старинному оружию, кое-что прикупить в Москве, а тут полный абзац. И стало понятно, что товарищ Сталин заранее планировал создание группы проверки, а на совещании просто хотел, чтобы все по-настоящему прониклись этой идеей. В результате у меня не только вечер насмарку, но и завтра столько будет дел неспорно. Да еще с этим Мехлисом, кажется, могут возникнуть трения. Нужно срочно продумать стратегию налаживания отношений. А Сталин тем временем продолжил свою речь:

– Сейчас товарищи Шапошников и Мехлис могут быть свободны, а товарищей Берия и Северову прошу остаться.

– Одну минуту, товарищ Сталин, – заговорил Мехлис, вставая. – Товарищ Северова, сразу после того, как освободитесь, прошу ко мне.

– Не беспокойтесь, товарищ Мехлис. Я сам за этим прослежу, – усмехнулся Сталин.

Шапошников и Мехлис вышли, а Сталин внимательно посмотрел на меня:

– Товарищ Северова. Вы видели, как я отредактировал ваш отчет. В исходном варианте получается, что основная вина в поражениях Красной армии первого периода войны в первую очередь ложится на товарища Сталина. Вы так считаете?

Вот это вопрос! И при этом на меня смотрит уже не «добрый дедушка» и не «руководитель корпорации», а твердый и жесткий человек, которого, при всем желании, не обманешь. И никакое хлопанье ресницами не поможет. Я увидела, как напрягся Берия, и поняла, что отвечать нужно так, как думаю, без всяких уверток.

– Из всего того материала, который был мне известен к данному моменту, – да, товарищ Сталин. Кораблем всегда управляет капитан, который несет ответственность за все хорошее и плохое, что там происходит.

– А если корабль попал в шторм и сильно пострадал? Тоже виноват капитан?

– Шторм от капитана не зависит. Но хороший капитан всегда должен предвидеть шторм и заранее к нему подготовиться. И если во время шторма команда вела себя неправильно, если что-то сломалось из-за ошибки боцмана или, скажем, первого помощника капитана, то все равно виноват капитан.

– Вот вы написали, что товарищ Павлов не сумел организовать достойный отпор врагу, допустил развал фронта и прорыв немецких войск. В этом тоже виноват товарищ Сталин?

– В ошибках товарища Павлова виноват только товарищ Павлов, за что он и был справедливо наказан. Но в том, что на таком исключительно важном посту оказался недостаточно компетентный человек, виноват товарищ Сталин, который его назначил. Я где-то слышала хоро-

шее выражение: «Кадры решают все». Следовательно, виноват и тот, кто допустил оплошность при подборе кадров.

При последних словах я заметила, что выражение лица товарища Сталина немного смягчилось. Берия, кажется, тоже перевел дыхание.

– Скажите, товарищ Северова, а откуда вам стало известно это выражение про кадры?

– Не знаю, товарищ Сталин. Где-то то ли читала, то ли слышала.

– Я вам подскажу. Эти слова были сказаны товарищем Сталиным 4 мая 1935 года в Кремлевском дворце при выступлении перед выпускниками военных академий. Получается, что товарищ Сталин сам не следовал своим правилам. Хорошо, – решил подвести итоги товарищ Сталин. – Идите, вас ждет товарищ Мехлис. Мой секретарь товарищ Поскребышев подскажет, как его найти.

– Товарищ Северова, – подал голос Берия. – После разговора с товарищем Мехлисом возвращайтесь в наркомат. Я сегодня буду работать допоздна.

– Слушаюсь, товарищ Берия.

При выходе я не удержалась и оглянулась. Так получилось, что в этот момент Сталин посмотрел мне вслед, и это снова был добрый дедушка. Выйдя из кабинета, я подошла к Поскребышеву. Он подробно объяснил мне, как найти Мехлиса, который, по словам Поскребышева, раньше был начальником Политуправления РККА (ПУ РККА) и скоро вернется на эту должность, только теперь она будет называться «начальник Главного управления политической пропаганды Красной армии (ГУПП КА)». В кабинете у Мехлиса уже сидел мужик лет тридцати с майорскими знаками отличия. Я решила, что это и есть Серков, – первые же слова Мехлиса это подтвердили.

– Товарищи. У нас срочная и очень важная работа, порученная самим товарищем Сталиным. Поэтому времени на церемонии знакомства нет. Вот Анна Петровна Северова, лейтенант НКГБ, а вот Юрий Афанасьевич Серков, майор РККА.

При этом Серков посмотрел на меня с непонятым удивлением.

Только тут я сообразила, что товарищ Сталин назвал меня лейтенантом и товарищ Мехлис называет так же, несмотря на то что я младший лейтенант и петлицы у меня соответствующие. Теперь ясно, почему Серков удивился. Впрочем, сейчас не до этого, но вопрос товарищу Берии я задам. Как я уже слышала, товарищ Сталин ничего просто так не говорит.

Глава 11

Пожав друг другу руку, мы с Серковым изобразили полное внимание. Мехлису, кажется, это понравилось, и он важно начал даже не говорить, а излагать свои мысли:

– В течение недели мы должны побывать во всех армиях Западного особого военного округа и выяснить степень их готовности к ведению боевых действий в случае внезапного нападения противника. Сейчас нам предстоит разработать планы проверки, которые я не позже завтрашнего утра согласую с товарищем Шапошниковым. Жду ваших предложений.

– Товарищ Мехлис, – заговорил Серков, – давайте сначала предоставим слово самому младшему по званию.

– Согласен, – моментально отреагировал Мехлис. – Вполне разумно, чтобы мнение руководства не оказывало влияние на мнение младших командиров. Вам слово, товарищ Северова.

(Не иначе как мужики уже о чем-то сговорились, пока меня не было.)

– Во-первых, – начала я, – поскольку я самая младшая не только по званию, но и по возрасту, не обижусь, если вы будете просто называть меня Аней.

Оба мужчины кивнули.

– Во-вторых, у меня есть одно предложение.

Тут я чуть было не лягнула, что хочу предложить методику, которую применяет папюлька на своей фирме, но вовремя одумалась.

– Мы с товарищем майором выпишем перечень вопросов, которые будем выяснять в каждой проверяемой части. Все это сведем в таблицу. Сделаем три одинаковые таблицы – по одной для каждого из нас. И результат по каждому вопросу независимо друг от друга будем оценивать по пятибалльной шкале от одного (ужасно) до пяти (все в полном порядке). Тогда мы сможем не только сравнить результаты разных частей, но и определить самые узкие места в армиях округа. Это те вопросы, по которым у всех окажутся примерно одинаковые плохие оценки. Разумеется, на некоторые вопросы не будет ответа у меня, а на некоторые – у кого-либо из вас. Там будем ставить прочерки.

– Как, товарищ майор? Есть у вас возражения, дополнения?

– Есть дополнение, товарищ Мехлис. Товарищ Аня не учла, что такой комплект из трех таблиц нужен для одной воинской части. А нам надо будет проверить несколько частей. Поэтому число таблиц нужно соответственно увеличить.

Ой, и правда. Вот лопухнулась. А еще математик!

– Хорошо, это учтем. А сейчас берите каждый по два листа бумаги, идите в соседнюю комнату и пишите вопросы. Перечень вопросов показываю вам. Даю вам тридцать минут.

Полчаса мы с майором добросовестно пыхтели, каждый в своем углу, составляя вопросы. Я, при составлении списка, старательно вспоминала, о чем шла беседа у тогда еще капитана Григорьева в присутствии Васи и Окулова: о меткости стрельбы солдат, о взаимодействии, об умении вести огонь по воздушным целям, о скорости подготовки к бою, о доставке боеприпасов от складов к орудиям и пехоте, а также о многом другом. Вспомнила и о контрольном облете на нашем самолете с целью проверки маскировки, и о проблемах с проводной связью.

Короче, за полчаса я исписала оба листа и подумывала, не попросить ли еще один лист. Но время вышло, и мы с майором вернулись в кабинет Мехлиса. Он взял у нас листы и погрузился в чтение. Минут десять мы просидели в полной тишине. Наконец Мехлис положил все бумаги на стол и улыбнулся:

– Товарищ Сталин подобрал мне хорошую команду. Теперь вижу, что мы сумеем выполнить возложенную на нас задачу, хотя с самого начала опасался, что двух человек может оказаться недостаточно. Я сегодня доработаю ваш список, завтра с утра согласую его с товарищем Шапошниковым, и мы сразу вылетаем. Жду вас завтра у себя к 10:00. Свободны.

Я с облегчением вышла из кабинета. Теперь надо добраться до моего наркомата. К счастью, Серков приехал на машине и подбросил меня на площадь Дзержинского. Я поднялась к кабинету Берии и там увидела майора Трофимова. Он снова заступил на дежурство. Поприветствовав майора, я попросила доложить обо мне. Трофимов кивнул, но остался сидеть на месте. Видя мое недоумение, он улыбнулся и объяснил, что Берия приказал двадцать минут его не беспокоить и что прошло только десять минут из двадцати. Делать нечего. Уселась и привычно стала ждать. Еще через десять минут Трофимов вскочил и нырнул в кабинет. Тут же вышел и пригласил меня войти. Берия сидел за столом. Выглядел он устало, хотя эти двадцать минут, наверное, отдыхал. Видимо, беседы со Сталиным всех порядком напрягают. Если верить моим книжкам, то каждый нарком, отправляясь на такую беседу, не знал, вернется ли домой наркомом и вернется ли вообще. На самом деле я уже поняла, что подобные «сказки» рассчитаны на невежественную аудиторию, но с должностью наркома при халатной работе расстаться можно быстро.

– Товарищ нарком. Прибыла согласно вашему приказу, – решила я немного ускорить события.

– Очень хорошо.

Берия уже справился с минутной слабостью и снова стал грозным наркомом.

– Расскажите, как прошла беседа с товарищем Мехлисом.

– Все нормально, товарищ Берия. Приняла участие в составлении бумаг. Работа оценена положительно, и я свободна до десяти часов утра.

– Рад за вас. Я не смог вас заранее предупредить, что товарищ Мехлис очень сложный человек. Он искренне предан товарищу Сталину и пользуется его полным доверием. Но характер у него тяжелый. Он требователен и к себе, и к другим. И никому не дает спуска. В армии его не любят, как, впрочем, не очень любят всех политработников. Но его еще и боятся, потому что он всегда требует максимального наказания для провинившихся командиров. Впрочем, те, кто хорошо выполняют его поручения, могут рассчитывать на его полную поддержку. Если он положительно оценил вашу работу, то, несомненно, включил вас в свой список хороших работников. Он думает, что я не знаю о существовании этого списка. – Берия ехидно усмехнулся.

– Товарищ Берия, – не выдержала я. – У меня появился к вам один вопрос.

– Только один? Тогда не страшно – задавайте.

– Сегодня на совещании товарищ Сталин назвал меня лейтенантом. И товарищ Мехлис тоже назвал меня лейтенантом. Но ведь я младший лейтенант. И знаки отличия у меня в петлицах соответствующие.

– Насчет знаков отличия – это вы правильно заметили. Делаю вам замечание, товарищ Северова, за то, что вы одеты не по форме. Ваши знаки отличия не соответствуют вашему званию.

Тут моя челюсть слегка отвалилась, и я уставилась на Берию с некрасиво раскрытым ртом. Он, довольный произведенным эффектом, улыбнулся и сказал:

– Помните, когда сегодня утром вы пришли ко мне, я читал бумагу? Так вот, эта бумага имела к вам непосредственное отношение. Нарком НКВД Белоруссии товарищ Цанава написал на вас представление к внеочередному присвоению звания лейтенанта госбезопасности. В этом немалую роль сыграли обнаруженные вами бумаги.

– Товарищ Берия, – буквально взмолилась я, – мне все говорят о важности найденных бумаг, но никто не сказал, что же в них такого. Лаврентий Павлович, раскройте секрет, или я умру от любопытства.

– Ну вот, таковы все женщины. Обещали один вопрос, а сами тут же задаете второй, – пошутил Берия.

– Никак нет, товарищ нарком. Это не второй вопрос, а первая просьба.

– Действительно, не вопрос. Тогда придется рассказать. Хозяин этих бумаг был резидентом немецкой разведки, причем собирал информацию сразу и о поляках, и о нас. Когда немцы захватили Польшу, он спокойно остался на месте. Но то, что по договору 1939 года область, в которой он жил, отойдет к нам, он не знал. Предполагаем, что его просто забыли предупредить. И 17 сентября ему срочно пришлось рвануть в бега. Но наш Иностранный отдел к этому времени уже два года держал его на контроле. И, поняв, что резидент хочет удрать в фатерланд, решили его захватить. К сожалению, он успел принять яд, и нам достался его труп, коллекция охотничьих ружей, кстати почему-то сильно поредевшая, – *тут я еще раз помянула Трофима*, – и некоторые его записи, включая шифр ко всем бумагам. Представьте себе разочарование наших разведчиков, когда, прочитав захваченные материалы, они установили, что самые ценные бумаги куда-то исчезли.

– Так что же в них было? – не выдержала я.

– В них был список всех агентов абвера, работавших на территории Минской области, а также на большей части Барановичской области. Причем не только список, но и полная бухгалтерия – кому, сколько и за что заплачено. Мне доложили, что товарищ Цанава, узнав про этот список, на несколько минут закрылся в кабинете. Сотрудники подозревают, что все это время он плясал от радости. Поэтому он решил отблагодарить вас, представив к следующему званию. Честно говоря, утром я еще не знал, надо ли утвердить его ходатайство, но товарищ Сталин, назвав вас лейтенантом, дал понять, что одобряет это присвоение. Так что приведите форму в порядок.

Теперь слушайте внимательно, – продолжил Берия. – Кроме выполнения задачи, порученной вам товарищем Сталиным, во время поездки вы будете еще и охранять товарища Мехлиса. Он иногда нарушает требования охраны по соблюдению мер безопасности. Я надеюсь, что ваше присутствие поможет обеспечить безопасность одного из членов нашего правительства. Поэтому сейчас заберите у Трофимова свое оружие, а по дороге в воинские части в Барановичах загляните к майору Григорьеву, передайте ему от меня привет и заберите свой «парабеллум». Начальника охраны товарища Мехлиса я предупрежу, а самому товарищу Мехлису знать об этом совсем не обязательно. Вопросы есть?

– Есть, товарищ нарком. Вы знаете, что в моих планах участие в партизанской войне в Белоруссии.

Тут Берия укоризненно покачал головой, но ничего не сказал.

– Так вот, мне нужно встретиться здесь со специалистами по различным видам старинного оружия, чтобы удивлять немцев нестандартными методами борьбы.

– Я вас понял. Вы сейчас расскажите это майору Трофимову, и к вашему возвращению из поездки он все решит. Если такие люди есть, то он их обязательно разыщет.

– Спасибо, товарищ нарком. Разрешите идти?

– Подождите. Вот вам от меня небольшой подарок.

С этими словами Берия вынул из ящика стола какую-то небольшую продолговатую коробочку. Интересно, он что, решил мне духи подарить? Так я и в прошлой жизни духи не очень жаловала, а в этой вообще прекрасно обходилась без них. Тем временем Берия подошел и открыл коробочку. В ней, к моему удивлению, лежали два предмета. Один я сразу опознала как самописку, а вот второй был мне незнаком.

– Это набор для подготовки отчетов, которые вам писать и писать, – сказал Берия. – Самописка с золотым пером и карандаш. Самопиской вы пользоваться уже умеете, а с карандашом нужно обращаться вот так.

Он повертел верхнюю часть карандаша сначала по часовой стрелке, а потом против. При этом из кончика карандаша сначала выдвинулся, а потом задвинулся довольно толстый, на мой взгляд, грифель.

– Большое спасибо, товарищ Берия. Это очень ценный подарок, – совершенно искренне поблагодарила я.

– Да, вот еще что... Сначала ваша группа прилетит в Минск. Там вы зайдете к товарищу Цанаве, поблагодарите его за звание и расскажите, в пределах возможного, о вашем задании. Пусть он предупредит территориальные органы о содействии. Это может оказаться полезным. И помните, что в первую очередь вы сотрудник НКГБ, с соответствующими обязанностями, выполнение которых не отменяется на время данной командировки. Вот теперь идите.

Глава 12

Выйдя из кабинета Берии, я подошла к Трофимову и озадачила его. Впрочем, мне показалось, что озадачила не сильно.

– Хорошо, Анна Петровна. Есть у меня на примете пара вояк, которые на старости лет занялись историей военной техники. В частности, историей стрелкового оружия. Так что, когда вы вернетесь из командировки, я сведу вас с ними. А теперь вот ваше оружие и желаю удачи.

Я распрошала с Трофимовым и двинула на квартиру. Еще только двадцать три часа. Значит, сумею выспаться. Потом вспомнила полученный только что приказ привести форму в порядок. Стоп. Шпалы на петлицы и широкие угольники на рукава я найду хотя бы в том же ателье. Но мне ведь нужна и новая запись в командирском удостоверении. А то некрасиво получится. Пришлось вернуться к Трофимову. Он сам только что узнал о моем повышении от Лаврентия Павловича, поздравил меня, подарил две шпалы и угольники, избавив от необходимости захода в ателье, и направил к дежурному кадровику. На все это ушло еще минут тридцать, зато из наркомата я вышла уже полноценным лейтенантом. Если бы не форма, то прошла бы сейчас до квартиры на руках. Вот народ бы повеселился. Но вспомнила о предстоящей поездке, и настроение резко пошло вниз. Потом подумала, как Вася отнесется к моему карьерному росту. Он, наверное, служил несколько лет, пока стал лейтенантом, а молодая супруга проскочила до этого звания менее чем за пару месяцев. Надо будет, как всегда, что-то придумать, чтобы муж не почувствовал себя в чем-то уязвленным.

Нормально выспавшись, в первый раз за последние несколько дней, и приладив к форме новые знаки отличия, я бодро прискакала к Мехлису. Так как я появилась раньше назначенных десяти часов, то Серкова еще не было. Но Мехлис тут же меня принял и вручил тоненькую папку с грифом «СС». В ней, по его словам, был доработанный список вопросов. Я стала изучать список и поняла, что товарищ Сталин держит Мехлиса не за красивые глаза и не за преданность, а в первую очередь за деловые качества. От нашего с Серковым списка в первоизданном виде осталось не больше половины вопросов, остальные были качественно доработаны, и к ним дописаны новые, причем некоторые из них никогда не пришли бы мне в голову. Например, обеспечение бойцов горячим питанием во время ведения боевых действий. Понятно, что не во время боя, а в перерывах или сразу после боя. Я не удержалась и спросила Мехлиса, откуда он знает такие тонкости. Он слегка улыбнулся и неожиданно заговорил хорошо знакомым мне по фильмам жаргоном с характерным акцентом:

– Ви думаете, что товарищ Мехлис кабинетный червь. Ви таки не правы. Товарищ Мехлис начал воевать еще в Первую мировую войну, будь она неладна.

– Простите, товарищ Мехлис, но, глядя на вас, я таки этого никак не ожидала, чтоб ви так были здоровы, – ответила я в тон ему.

Мы оба засмеялись, и тут как раз вошел Серков. Он непонимающе уставился на нас, но потом все же решил поздороваться.

– Здравия желаю, товарищ армейский комиссар первого ранга. Здравствуйтесь, Аня.

– Здравствуйтесь, товарищ Серков. Не обращайтесь внимания на наше веселье. Просто мы с Аней кое-что вспомнили из одесского юмора. Вот, просмотрите таблицу, и сейчас мы все поедем к товарищу Шапошникову.

Серков быстро просмотрел предложенный вариант. Мне показалось, что он тоже оценил конечный результат.

– Итак, товарищи, если у вас нет вопросов, то этот вариант считаем окончательным и едем в Наркомат обороны.

Мы все погрузились в просторный лимузин Мехлиса и поехали в Наркомат обороны. Так как старая Москва была мне совсем незнакома, то я даже не пыталась угадать, по каким улицам

и куда мы едем. Добрались за двадцать минут – и хорошо. Остальное меня не касается. Пока Мехлис беседовал с Шапошниковым, я обратила внимание на оружие Серкова.

– Товарищ Серков. У вас штатный ТТ?

– Да, а в чем дело?

– Извините за любопытство, но насколько он у вас надежен и как часто вы им пользуетесь?

– На надежность не жалуюсь, а пользуюсь редко – фактически только в тире. А почему мое штатное оружие вызывает любопытство у сотрудника НКГБ?

– Потому что мы с вами поедem в места, где от вашего оружия и от умения им пользоваться может зависеть ваша жизнь. У вас есть еще один пистолет?

– Да зачем он мне? Мне и ТТ вполне хватит, тем более что я всегда ношу с собой еще одну обойму. Число выстрелов у меня будет заметно больше, чем у вашего нагана. Да и скорость стрельбы выше.

Я усмехнулась и показала ему содержимое своей сумочки:

– Как видите, только на наган я не полагаюсь. А по дороге заберу еще один мой пистолет.

– Аня, да зачем вам столько оружия? Мы же будем в воинских частях. Кроме того, товарища Мехлиса будет сопровождать охрана.

– Охрана – это очень хорошо, но я люблю полагаться в первую очередь на себя. К вашему сведению, за последние два месяца моя жизнь дважды была под угрозой, а мой муж только месяц как выписался из госпиталя после ранения осколком гранаты. Поэтому не обижайтесь, но я еще проверю, насколько метко вы стреляете. У штабных работников не очень хорошая репутация как стрелков.

– Ладно, проверяйте. Вам, чекистам, надо все время что-нибудь и кого-нибудь проверять, – надулся Серков.

Но я не обратила на это внимания.

– Договорились. Лучше проверю я, чем бандиты.

В это время из кабинета Шапошникова вышел Мехлис и сказал:

– Все согласовано. Сейчас в аппарате Бориса Михайловича нам все напечатают в нужном количестве экземпляров, и можем лететь. Вы готовы?

– Ой, извините, товарищ Мехлис. Я свой багаж оставила на квартире.

– А где ваша квартира и много ли багажа?

– Квартира в трех минутах хода от нашего наркомата, а весь багаж – это небольшой баул.

– Хорошо, заедем по дороге на аэродром. А у вас, товарищ Серков, тоже багаж дома?

– Никак нет, товарищ Мехлис. Вот мой дежурный чемоданчик.

– Учитесь, Аня. Вам тоже надо иметь такой дежурный чемоданчик, который только взять – и можно ехать или лететь, куда прикажут.

– Поняла, товарищ Мехлис. Мой баул примерно таких же размеров, и все в нем уже лежит, только я не сообразила сразу взять его с собой.

– Теперь сделаем так. Вы оба идите к машине и ждите, а я свяжусь с товарищем Пономаренко⁷ и договорюсь о встрече. Товарищ Шапошников тем временем известит генерала армии Павлова о нашем визите и задачах, которые поставил перед нами товарищ Сталин.

Мы вышли на улицу к машине, Серков закурил, а я стала с наветренной стороны и наслаждалась хорошей погодой и свежим воздухом. Минут через пятнадцать вышел довольный Мехлис с толстой папкой в руках. Что в ней не видно, но готова поспорить, что туда вложены три папки потоньше, каждая из которых имеет гриф «СС». Мехлис сделал нам знак. Мы все уселись в машину, заехали на мою квартиру, после чего двинулись на аэродром. Хорошо, когда

⁷ П.К. Пономаренко в это время был первым секретарем ЦК компартии Белоруссии.

летишь с членом правительства. Тут тебя подвозят к самому трапу самолета, никаких досмотров. Все окружающие только и делают, что отдают честь. Ой, мне нравится!

В самолете кроме нас оказалось еще два мужика в военной форме: майор и рядовой боец. Майор мне кивнул, как знакомой. Я поняла, что именно он и является начальником охраны Мехлиса. Интересно, а почему только один боец в охране? Два охранника – маловато будет. Я подождала, пока Мехлис погрузится в изучение каких-то бумаг, и, подсев к майору, тихо спросила:

– Товарищ майор, вы и боец – это вся наша охрана? Не слишком ли мало?

– Понимаю вас, Анна Петровна, но вам, кажется, уже говорили, что товарищ Мехлис не очень жалует охрану. Я бы даже добавил, что он безрассудно храбр. Нас двоих он терпит только потому, что это потребовал от него сам товарищ Сталин. А вы недовольны, что нас мало.

– Но ведь мы едем в очень беспокойный район. Там полно и диверсантов, и просто бандитов.

– Анна Петровна, мне ничего объяснять не надо. Вы попробуйте сами поговорить об этом с товарищем Мехлисом. Я, как только узнал, куда мы полетим, сразу договорился по поводу охраны. Нас будет встречать отделение бойцов НКВД. Вот только боюсь, что товарищ Мехлис отправит их обратно.

Вот еще проблема! Майор прав на все сто, но я уже начала понимать, что переупрямить Мехлиса практически невозможно. Хотя... Я наклонилась к майору и кое-что ему посоветовала. Он обдумал мою идею, и она ему понравилась.

– Спасибо, Анна Петровна. Попробую. Должно подействовать. Кстати, как вы вооружены? Только наганом?

Я сказала про «вальтер», а потом добавила:

– В Барановичах прихватчу еще «люгер». Дурой была, что оставила его там перед поездкой в Москву. Но кто мог подумать, что придется лететь сюда в командировку, да еще в такой компании.

Тут как раз самолет начал снижаться.

Глава 13

У трапа нас ждала машина, рядом с которой стояли еще два автомобиля – наверное, прапрадедушки современного военного УАЗа, в которых сидело десять бойцов, включая водителей. Ясно, что это отделение охраны. Их командир подошел и представился:

– Товарищ армейский комиссар первого ранга. Капитан Середа. Отвечаю за вашу охрану во время поездок по Белоруссии.

– Кто распорядился? – начал закипать Мехлис. Я удивилась, как быстро его лицо стало краснеть.

Майор глубоко вздохнул и подошел к нему.

– Я распорядился, товарищ Мехлис.

Потом он немного наклонился к Мехлису и вполголоса заговорил:

– Никто не сомневается в вашей храбрости, Лев Захарович, но ваша группа выполняет важное задание. Если с кем-либо из вас что-то случится, то задание останется невыполненным.

Кажется, эти слова на Мехлиса подействовали. Он немного попыхтел, потом лишний пар вышел, и выражение его лица снова пришло в норму. Мехлис направился к машине. Мы за ним, при этом майор заговорщически мне подмигнул. Зря он это сделал, так как Мехлис это заметил и метнул молнию в мою сторону. В машине Мехлис повернулся ко мне и сказал:

– Теперь я понял, кто надутил моего майора. Сам бы он до такого не додумался. Не делайте так больше, Аня.

Вот еще. Человек хочет сотворить глупость, а я молчи. Перебьется.

– Товарищ Мехлис, я здесь живу, здесь служит мой муж. Тут каждую неделю что-то случается: то стрельба из-за угла, то нападение банды. Это в Москве вам достаточно одного шофера, который сразу и охранник. А тут нам бы еще и броневичок не помешал. У нас есть цель, и все, что может помешать ее достижению, следует минимизировать.

Мехлис нахмурился, но промолчал. На некоторое время в машине установилась тишина.

Наш кортеж подъехал к зданию ЦК компартии Белоруссии. Мы вышли и прошли внутрь, оставив охрану снаружи. Тут произошла небольшая заминка. Часовой пропускал всех внутрь по предъявлению партбилета. Но у меня-то партбилета не было. Впрочем, встречающий нас, видимо крупный чин, кивнул часовому, и я сумела пройти по удостоверению. По парадной лестнице мы стали подниматься вверх, и вдруг я увидела, что нам навстречу спускается товарищ Цанава. Он уже здесь! Впрочем, где же ему еще быть, как не в Минске. Увидев Мехлиса, Цанава несколько насторожился, но поприветствовал его по всей форме. Потом заметил в свите меня, и на лице мелькнуло удивление. Я решила, что ничего страшного не случится, если поприветствую свое прямое начальство. Поэтому подошла и доложила:

– Здравия желаю, товарищ комиссар государственной безопасности второго ранга. Согласно приказу сопровождаю товарища Мехлиса в его поездке по Белоруссии.

Мехлис, заметив это, кивнул и сделал жест рукой. Я поняла его так, что могу отстать и поговорить с собственным начальством. Цанава, кажется, тоже захотел со мной пообщаться. Поэтому он повернулся и стал подниматься вместе с нами, но вся группа свернула налево, а мы – направо и зашли в какой-то кабинет. Я только успела заметить табличку на двери «Начальник охраны». В комнате сидел человек в форме майора НКГБ.

– Аркадий, выйди, нам с товарищем Северовой нужно поговорить.

Майор тут же вскочил и буквально вылетел из комнаты.

– Не ожидал встретить вас здесь, Анна Петровна. Да еще в свите товарища Мехлиса. Можете доложить, в чем дело?

– Так точно, товарищ Цанава. Только сначала позвольте поблагодарить вас за представление к внеочередному званию.

– Ладно, ладно, об этом потом. – Цанава махнул рукой.

– Меня вместе с майором Серковым прикомандировали к товарищу Мехлису в качестве помощников для проведения проверки боеготовности наших воинских частей в случае внезапного нападения противника. Товарищ Берия велел передать вам, чтобы органы НКГБ Белоруссии оказали нашей группе поддержку.

– Понятно, немедленно отдам приказ по всем областям. Что еще?

– Товарищ Цанава, мне пришла в голову одна идея.

Цанава усмехнулся и сказал:

– Я уже наслышан о ваших идеях. Кому теперь думаете писать письмо, Канарису или Гейдриху?

– Ну что вы. До них мне нет никакого дела, а то написала бы и им. Но сейчас мне хотелось бы получить несколько человек из НКГБ с двумя хорошими связистами – специалистами по телефонной связи.

– Это несложно, но зачем они вам? У вояк своих связистов хватает.

– Я предложу товарищу Мехлису провести проверку. В оговоренный момент связь с проверяемой частью будет повреждена, и посмотрим, как быстро вояки сумеют ее восстановить. А заодно посмотрим, как командиры будут принимать самостоятельные решения. Создадим обстановку, так сказать, максимально приближенную к боевой.

– Ну вы и...

– Стерва, хотите сказать? Товарищ майор Григорьев очень часто именно так меня и называет. А вам, значит, про эту мою подпольную кличку пока не доложил.

– Я ему поставлю на вид за то, что плохо информирует руководство. Армейцам такой проверкой вы подложите очень большую свинью.

– Будем надеяться, товарищ Цанава, что среди них нет мусульман.

Цанава взглянул на меня с удивлением. Потом до него дошло, и он захохотал.

– Да, с вами опасно связываться. Товарищ Мехлис будет доволен этой идеей. Он очень любит такие неожиданные проверки. Тем более что противник будет действовать именно так. Хорошо. – Тут Цанава сразу стал серьезным. – Вы, наверное, переночуете в Минске, а завтра с утра отправитесь по армиям округа. К моменту отъезда вам под начало поступит группа из семи моих сотрудников, причем два из них будут связистами. Так что, товарищ лейтенант, начинайте приобретать опыт командования.

– Я, товарищ Цанава, этот опыт уже около двух месяцев приобретаю. С того момента, как вышла замуж за командира НКГБ.

– Вижу, что вы, Анна Петровна, за словом в карман не лезете.

– Об этом мне тоже говорили.

Цанава улыбнулся и махнул рукой, давая понять, что беседа закончена. Мы вышли из кабинета, куда тут же заскочил майор. Товарищ Цанава показал, куда мне нужно идти, чтобы присоединиться к своей группе, и пошел вниз.

В приемной товарища Пономаренко рядом с секретарем сидел Серков.

– Вот, наконец, и вы, Аня. А то мы вас потеряли. Я думаю, что скоро товарищ Мехлис закончит беседу и мы сможем обсудить план работы на завтра. Садитесь, будем ждать.

Предположение Серкова не оправдалось, и мы просидели долго, но наконец совещание закончилось, и из кабинета вышел Мехлис.

– Так, сейчас едем в Дом приемов ЦК Белоруссии. Там переночуем и завтра с самого утра встречаемся в штабе округа с товарищем Павловым. Он будет нас ждать. Согласуем с ним планы проверки и список проверяемых дивизий. К этому времени у него уже будут результаты аэрофотосъемок, которые должны сделать сегодня. Так как все дивизии проверить за отведенное время не сумеем, выберем по одной дивизии из каждой армии. Завтра и приступим.

В Доме приемов нас накормили превосходным ужином, причем я заметила, что Мехлис ел очень немного, а вина не пил вообще, впрочем, мы с майором тоже обошлись без спиртного. Вот закончим проверку, тогда и отметим, если будет что отмечать. После ужина я решила, что Мехлис должен хоть немного подобреть, и подвалила со своей инициативой про связистов. Выслушав меня, он недолго подумал, потом согласился, но сделал мне замечание:

– В следующий раз, Аня, согласовывайте ваши идеи со мной, прежде чем обсуждать их с посторонними. Пусть даже это ваш непосредственный начальник.

– Но ведь сам товарищ Берия поручил мне обратиться к товарищу Цанаве за содействием.

– Именно поэтому я и не объявляю вам выговор за самостоятельность, а только предупреждаю.

Вот чертов сухарь! Хочу сделать как лучше, а он инициативу давит на корню. Мехлис, почувствовав мое настроение, слегка смягчился и добавил:

– Поймите. У нас срочное и исключительно важное задание. Круг лиц, с которыми можно это задание обсуждать, определяю я, как старший группы. Даже товарищу Пономаренко я сказал далеко не обо всем, что мы с вами запланировали сделать. Полную информацию можно сообщать только трем лицам: товарищу Сталину, товарищу Молотову и товарищу Берии. Вы, Аня, несмотря на довольно высокое по армейским меркам звание, в этих делах еще новичок. Поэтому слушайте старших товарищей и не стесняйтесь задавать вопросы. Я всегда поддерживаю инициативу, но буду очень строго спрашивать за обеспечение должной секретности.

Утром я выскочила в расположенный около Дома приемов палисадник на зарядку. А что? Выпалась, утро свежее, чуть прохладное. Солнце уже встало – как-никак, июнь. Машин никаких нет. Тишина. Исключительная экология. Только закончила разминку, как тишина нарушилась. Подъехал грузовичок, в котором сидели несколько мужчин в форме НКГБ. Из кабины водителя вышел, наверное, командир, посмотрел вокруг, увидел меня и быстрым шагом подошел:

– Вы товарищ Северова?

– Так точно.

– Здравия желаю. – Он отдал честь. – Лейтенант госбезопасности Геворгян. Направлен к вам товарищем Цанавой. Жду ваших указаний.

– Очень хорошо. Пусть ваши бойцы пока отдыхают, а вы подождите меня здесь. Я быстро. Я смоталась в номер, привела себя в порядок и снова выскочила на улицу.

– Товарищ Геворгян, слушайте внимательно. Наша группа проверяет качество связи в войсковых частях всего округа. Вам поручается следующее задание. На том участке, который я вам укажу, вы будете выбирать наиболее удобное место – максимально скрытое от посторонних глаз, с хорошо просматриваемыми подходами. Там вы будете нарушать телефонную связь с соответствующей войсковой частью. Желательно, чтобы повреждение носило вид случайного. Но в крайнем случае допустим и простой обрыв. После нанесения повреждения ваша группа должна будет скрытно расположиться поблизости и наблюдать за теми, кто прибудет для ремонта линии. Если прибудет группа из нескольких человек, то ограничитесь простым наблюдением, если же прибудут один или два человека, то вы их тихо задерживаете, после чего сами устраняете неисправность и звоните мне. Вопросы?

– А что делать с задержанными?

– Обращаться вежливо, после восстановления связи и доклада отпустить, предупредив, чтобы молчали.

– Когда начинать?

– Точное время начала и конца операции, а также место будущей диверсии я буду сообщать после того, как мы определимся с очередной проверяемой частью. С бензином у вас все в порядке?

– Так точно. Машина заправлена под завязку, и есть запасная канистра.

– Ну и отлично. Ждите. Думаю, что минут сорок у вас есть.

Глава 14

Явернулась в дом и пошла завтракать. Мехлис и Серков уже сидели за столом.

– Опаздываете, Анна Петровна.

– Никак нет, товарищ Мехлис. Просто уже подъехала машина с людьми, о которых мы вчера говорили. Задачу я им объяснила, и теперь они ждут распоряжений.

– Очень хорошо. Тогда не будем терять времени, которого у нас совсем мало. Через пятнадцать минут едем в штаб округа. Ваша группа пусть следует за нами.

– Я им передам, товарищ Мехлис, только они будут останавливаться немного в сторонке, чтобы не светиться.

– Правильно. Я сам хотел вам это сказать. Ну, поторапливайтесь, товарищи командиры.

Наша группа подъехала к штабу округа. Мехлис прошел в здание, а мы с майором остались на улице, точнее, во двореке. Минут через сорок из штаба вышел какой-то майор, пригласил нас зайти и сразу провел в кабинет командующего. Павлов был мрачнее тучи. Мехлис тоже не сиял от счастья. Видно было, что они поцапались. Я вспомнила папины слова: «Когда большие начальники ругаются между собой, подчиненным лучше молчать и делать тупое выражение морды лица». Мы с майором так и поступили. Наконец Павлов заговорил:

– И с этой парой ты, Лев Захарович, хочешь проверять весь мой округ? Ладно майор, он генштабист и кое-что знает. А эта девица – у нее же молоко на губах не обсохло.

– Эта девица, лейтенант госбезопасности Северова, включена в нашу группу по личному указанию товарища Сталина. И совсем не за красивые глазки. Как-нибудь на досуге спроси про нее у товарища Цанавы или у товарища Берии.

Вот даже как! Значит, Мехлис про меня уже навел справки.

Павлов хмуро осмотрел меня с головы до ног, что очень мне не понравилось. Но если даже товарищу Сталину не удалось меня запугать, то куда этому командующему. Он, дурак, не понимает, что наша проверка, может быть, всего лишь через месяц спасет ему жизнь. Ведь если удастся удержать фронт или, по крайней мере, не допустить полного разгрома Западного фронта, то тогда, наверное, и Павлова не расстреляют. А Мехлис тем временем продолжал:

– Я же сказал тебе, Дмитрий Григорьевич, что в те сроки, которые поставил перед нами товарищ Сталин, детальную проверку провести невозможно. Для нее нужно несколько десятков проверяющих и не менее двух-трех месяцев, – тут Мехлис понизил голос, – которых у нас может и не оказаться. Наша задача – проверить наиболее критические моменты. Результаты проверки позволят Генштабу и Наркомату обороны в срочном порядке разработать меры по устранению вопиющих недостатков.

– Так многие недостатки и выявлять не надо. Я тебе сам о них доложу. Ты говорил о вопроснике. Дай его мне на часок – и получишь ответы на большинство вопросов. Но в связи с чем такая срочность? Не понимаю.

– У товарища Сталина появилась тревожная информация о твоём соседе.

– Ко мне все время поступает подобная тревожная, как ты говоришь, информация. Я несколько раз беседовал с теми, кто мне ее приносил. Обычные паникеры и трусы.

– Может быть, но проверку мы все-таки проведем. Сам понимаешь, что поручение товарища Сталина должно быть выполнено. А что касается вопросника, Дмитрий Григорьевич, так вот он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.